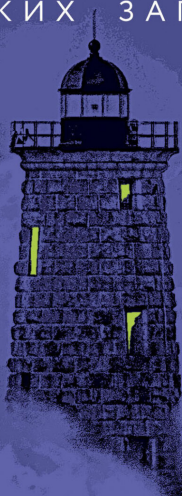

ОДЬГА ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

О ЧЕМ МОЛЧИТ
ВЕТЕР

Ольга Геннадьевна Володарская

О чем молчит ветер

Серия «Никаких запретных тем.

Остросюжетная проза О. Володарской»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65716109*

*О чем молчит ветер. Роман: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-123099-9*

Аннотация

Приреченск был милым провинциальным городком, буквально пропитанным культурой. Рядом с ним располагался дачный поселок Лира, участки в котором давали заслуженным деятелям искусств СССР. Режиссеры, поэты, художники стали частыми гостями Приреченска. Среди них был и режиссер Павел Печерский. Маэстро, как его все называли...

Он собрал вокруг себя ребят с творческой жилкой. Ставил с ними спектакли, холил и лелеял. Но когда главный его талант, милый мальчик Родя Эскин, покончил с собой, сбросившись со старой водонапорной башни, студию прикрыли. Печерский спрятался ото всех в своем дачном домике, но спустя почти двадцать лет к нему снова явилась полиция...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	50
Глава 5	61
Глава 6	70
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ольга Володарская

О чем молчит ветер

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Володарская О., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Часть первая

Глава 1

Грачев любил городок, в котором родился и вырос. Тихий, чистый, очень живописный Приреченск – в нем была особенная, интеллигентная провинциальность. Наверное, потому что рядом с ним находился дачный поселок «Ли́ра», в котором участки давали деятелям искусства не первого эшелона – элита обитала в ближайшем Подмоскowie, а их городок находился в ста километрах от столицы. Художники, писатели, режиссеры, мультипликаторы были его частыми гостями. И они не только отоваривались там в магазинах, отправляли письма с почты, посещали дом быта, но принимали участие в жизни Приреченска: организовывали творческие встречи, конкурсы художественной самодеятельности, рисунков на асфальте, помогали с благоустройством парка. И так на протяжении нескольких десятилетий. Многие из тех, кто ушел на покой, осели в «Лире» и стали своими для приреченцев. Например, скульптор Васильев. Когда-то он ваял статуи коммунистических вождей, а на пенсии увлекся изготовлением деревянных фигур и украсил ими Дом культуры. Или взять заведующую городской библиотекой, Эмму Власовну. В семидесятых годах прошлого века сборни-

ки ее стихов продавались во всех книжных магазинах СССР. Директором же музыкальной школы был композитор Вайцеховский, автор нескольких парадных маршей.

Грачев застал только Эмму. Но скульптуры Васильева видел, они до сих пор стояли в Доме культуры. А о Вайцеховском с восторгом рассказывала мама, окончившая музыкалку по классу баяна. Участком композитора сейчас владел главврач районной больницы. Соседние участки тоже были проданы людям, далеким от искусства. Ко всему, в Приреченске построили еще один завод по производству керамики, и появилось много пришлых, но городок все равно сохранил свою интеллигентность. Мама Грачева считала, что он так напитался культурой, что к нему грязь не липнет...

– Товарищ майор, – услышал Грачев оклик и обернулся. К нему быстро шагал старший лейтенант Константин Пыжов. Худенький, белобрысый, издали он походил на подростка. В его руке был зажат рабочий планшет.

– Я весь внимание, Костя.

– Личность погибшей опознана.

– Так быстро? – подивился Грачев. – При ней ни документов, ни телефона...

– Ее узнал водитель труповозки Димон, они когда-то соседями были. – И Костя передал планшет Грачеву.

– Эскина Кира Анатольевна, 1982 года рождения, – прочел тот. – Знакомая фамилия, но не женщина.

– Она сразу после школы в Москву переехала. Там и жила

до недавнего времени.

– Когда вернулась?

– Димон точно не знает, но неделю назад столкнулся с Кирой на площадке, когда родителей навещал. Сказал, выглядела плохо. И была будто не в себе.

– А спустя семь дней мы находим ее тело у подножия старой водонапорной башни, – и Грачев глянул на нее, возвышающуюся над поросшим ивняком берегом. – Похоже на самоубийство.

– Нет, увы. На теле явные следы борьбы, под ногтями биоматериал: кровь, частички кожи.

Грачев тяжело вздохнул. Вот тебе и окультирились настолько, что грязь не пристает...

В Приреченске произошло убийство!

Первое за те семь лет, что Николай Грачев служил в местной полиции.

– Труповозка еще не уехала? – спросил он у Кости.

– Нет, тело грузят.

– Позови Димона.

– Лады, – и зашагал прочь.

Николай бросил дерматиновую папку на трухлявую лавку, затем уселся на нее. Май стоял дождливый, хоть и не холодный, и дерево было влажным, а на Грачеве голубые джинсы. Когда-то именно на этом участке берега собирались компаниями горожане. Тут и прогулочная зона имелась, и песчаный пляж. Праздник Нептуна проводился в День города, а

это десятое июля. Но река обмелела, и зону отдыха перенесли в другое место. Там теперь не только пляж, волейбольная площадка, лавочки, аллеи, освещенные стилизованными под старину фонарями, но и летняя эстрада. На ней проводятся концерты, дискотеки и танцы для пенсионеров.

– Товарищ майор, звали? – услышал Коля густой бас водителя. Говорил он не только громко, но и картаво.

– Да, Дима. Расскажи мне о покойной.

– Да я ее плохо знал. Она старше меня на семь лет, а девушки с салагами не общаются. Когда я рос, она уже с женихами гуляла.

– Много их было?

– Да, Кира пользовалась у парней спросом. Но ничего лишнего не позволяла. Даже не обжималась ни с кем в подъезде. Просто крутила, вертела ухажерами. Она хорошенькой была. А какой веселой! Когда хохотала, все соседи слышали. Поэтому я удивился, когда увидел ее последний раз. Совсем другая: потухшая, изможденная. От былой красоты и следа не осталось.

– С кем она жила?

– Когда-то давно с матерью и братом. Но они оба умерли. Сначала Родя, потом тетя Таня.

– Что с ними случилось?

– У нее с сердцем проблемы были, не пережила инфаркта. А он с собой покончил в подростковом возрасте.

– Из-за чего?

– Не знаю. Я малой был, когда это случилось. Родя с сестрой погодками были, она на год всего старше. Помню только похороны. Но, уверен, в архивах найдутся материалы. Мать не верила, что Родя на себя руки наложил, считала, убили его. Расследование было. Но...

– Постой, – встрепенулся Грачев. – Я помню смерть этого парня. Вот откуда мне известна фамилия! Родион Эскин, мальчик-вундеркинд, который покончил с собой... сбросившись с крыши?

– А не утопился он? В закрытом гробу хоронили. Тело якобы раздуло.

Тут раздался автомобильный гудок. Это Диму звали, нужно было ехать.

Грачев отпустил его. Вскоре тоже направился к башне. Из ее двери как раз выходил старлей Пыжов.

– Кровь нашли на стенах, – сообщил он. – Взяли на анализ.

– Пошли, покажешь где.

Коллега кивнул и провел Грачева внутрь. Там была винтовая лестница. Узкая, порушившаяся. Ее перила давно пришли в негодность, и чтобы подняться, нужно было держаться за стену. Там-то и была найдена кровь.

– А на это почему не обратил внимания? – спросил у Пыжова товарищ майор. И указал на блестящую пуговицу.

– Тут полно мусора, сами видите.

Да, помещение было захламлено. Тут и пустые пивные бутылки, и какие-то тряпки, и банки консервные. Все пыль-

ное, грязное. На двери башни имелся замок, но его постоянно сбивали то романтичные подростки, желающие с высоты посмотреть на закат, то алкаши – увы, они тоже были в напитанном культурой Приреченске.

– Пуговица блестящая, – Коля поднял ее с пола. – Обро-
ненная совсем недавно. И она вырвана с корнем.

– Да, тут нитки, – согласился с ним Пыжов. – Причем и
обычные, катушечные, и шерстяные. Или даже кашемиро-
вые?

– Оригинальная пуговица. С якорем.

– На жертве была водолазка и кожаная куртка на молнии.

– А еще юбка длинная на резинке. Значит, пуговица с
одежды преступника.

– Или ее потерял кто-то посторонний. Зацепился, порвал
свитер и обронил.

– Но все же мы ее возьмем с собой, – и Грачев опустил
предполагаемую улику в полиэтиленовый пакет.

После этого коллеги стали подниматься выше. Кровь об-
наружилась и на последней ступеньке. И это была уже лужи-
ца. Грачев вопросительно глянул на Льва.

– Да, этот образец тоже взят на экспертизу, – ответил на
немой вопрос тот. – И клочок волос. Но они, судя по цвету и
структуре, с головы Киры: седоватые и довольно длинные,
сантиметров десяти. – Они дошли до двери, ведущей на га-
лерею. Она была распахнута.

– Киру тащили за волосы, она сопротивлялась, хваталась

за стены, пыталась царапаться. Ее не изнасиловали?

– Бондарев... – такова была фамилия криминалиста, он же работал патологоанатомом, – уверен, что нет. По крайней мере следов классического проникновения он не обнаружил. Таких, как повреждений... кхм... интимной части тела, следов спермы...

– А трусы надорваны.

– Вся одежда повреждена. Но это неудивительно, если ее волокли, а потом скинули с высоты.

Они подошли к краю балконной галереи. Ее борт раскрошился от времени, а перила давно сгнили. Башню строили в начале прошлого века. И для своих ста с лишним лет она неплохо сохранилась. Жаль, запустили ее, когда зону отдыха в другое место перенесли. А когда-то была достопримечательностью города. Походила на маяк. У нее и смотритель имелся. Но башня обветшала, и ее даже хотели снести, однако оставили, потому что никому не мешала, а лишних денег в бюджете не имелось.

– Если столкнули женщину, то тут, – сказал Грачев.

– Но ее труп левее лежал.

– Скатился. Берег размытый, неровный.

– Тогда она могла о кирпичи, которыми усеяна земля под башней, удариться. У нее рана на голове. А где мы нашли ее, там трава мягкая и песок.

– Или ее ударили. Давай поищем что-то, чем можно было это сделать.

– Тут тоже полно кирпичей. И палок. Нам бы лампу ультрафиолетовую.

– Да. И Декстера.

– Кого?

– Суперкриминалиста из американского сериала. Он бы живо картину преступления нарисовал и нашел улики. Но мы работаем с тем, что имеем. И у нас есть допотопная переносная лаборатория, лупа и наша наблюдательность. Так что ищем глазками.

– Хоть лупу бы дали, – проворчал Лев.

– Нужно было спросить у Бондарева.

– Она у нас что, одна на весь отдел? Как же мы отстали...

– Хорошо, что у нас тихий городок. Воруют по мелочи, дерутся, мошенничают. Зато семь лет без тяжких преступлений прожили.

– И вот оно свершилось, а у нас ни кадров, ни аппаратуры, ни опыта раскрытия запутанных дел.

– Ничего, мы справимся, – хлопнул коллегу по плечу Грачев. – Знаю, кто может помочь.

– Я тоже. Поедем к старику?

– Ты тут оставайся. Осматривай территорию. Делай снимки на планшет, хорошо, кстати, что нам хотя бы их выдали. Я в «Лиру» пешочком. А вы меня потом заберете. Лады?

Костик кивнул, и товарищ майор покинул галерею.

Николай Грачев с детства мечтал стать милиционером. Пойти по стопам деда. Михаил Ильич был в Приреченске фигурой легендарной. Даже когда ушел на пенсию, к нему за советами шли и молодые коллеги, и те, кто находился по другую сторону закона. Сколько конфликтов дед уладил, не счесть. Городу мало культурой напиться, ему еще и дисциплина нужна. За порядком, особенно в лихие девяностые и разнузданные нулевые, кто-то должен был следить. И не власть, к ней у народа всегда было скептическое отношение. Старейшина. Вожак. Мудрец. Справедливый вершитель. Человек, кого не боятся, а уважают. Когда старый завод делили, именно Михаил Ильич, или просто Ильич, так его все называли, проконтролировал, чтобы все мирно прошло. А после постройки второго завода сделал все для защиты города от приезжих беспредельщиков. В Приреченске тогда был смотрящим вор в законе Кудря, и Ильич смог сделать его своим союзником. Сейчас дед был уже стар. Ему перевалило за семьдесят пять. Он являлся почетным жителем города, но обитал в «Лире». Купил себе там дачку и перебрался в поселок, чтобы заняться огородничеством и разведением пчел. В Приреченске бывал редко. В его жизни перестал принимать участие. Ушел на покой окончательно.

Грачев-младший навещал деда регулярно. И не только,

чтобы проведать, привезти вещей, нужных старику, помочь по хозяйству. Коле нравилось проводить с ним время. Больше, чем с кем-то еще, даже с женой. Не только говорить, но и молчать. Они могли сидеть на веранде в креслах-качалках, пить чай с травами и медом и думать о своем. Ильич овдовел в шестьдесят семь. Тогда-то и переехал в «Лиру». Как говорил, доживать свой век. Но здоровья он был богатырского, и горе Ильича не сломило. А от хандры спасался заботами. Поэтому и теперь был бодр и рассудком не ослаб. В прошлом году к нему за советом приезжал следователь из столицы, Колин сокурсник, и дед помог найти вора и убийцу, орудовавшего в подмосковных поселках, всего лишь изучив дело.

Коля дедом восхищался. Тот был ему примером во всем. В том числе в личной жизни. Он женился довольно поздно по тем временам, в двадцать семь. Когда нагулялся и встретил ту, кого увидел своей половинкой. Бабуля Анюта стала той единственной. Дед ни разу ей не изменял. Хотя на него кто только не имел виды! Рослый, сильный, красивый, авторитетный Ильич сводил с ума бабенок. И простых, и тех, что посложнее. И поэтесса известная за ним бегала, она же заведующая библиотекой Эмма Власовна, и бизнесвумен, что открыла в Приреченске первый торгово-развлекательный комплекс. Но дед оставался верен своей Анютке, потому что дал клятву, когда надевал ей на пальчик кольцо.

Внук не хотел отличаться от Ильича. В этом тоже. Поэтому тщательно выбирал супругу. И когда ему показалось, что

встретил ТУ САМУЮ, сделал предложение. Поженились. Вскоре появился на свет сын. И вроде все в порядке. А счастья нет. Хотя жена Наталья всем хороша: и хозяйка прекрасная, и мать. А выглядит просто всем на зависть. Коля ее из Москвы привез. Учились вместе. Она не столичная штучка, приезжая, но из крупного города, и семья у нее приличная. Могла бы, пожалуй, себе найти партию получше. Но выбрала Колю. И переехала с ним в Приреченск. Устроилась в банк, потом родила, ушла в декрет, сейчас снова к работе вернулась. Несмотря на занятость, всегда готовила ужины, держала в порядке дом. Грачев возвращался с работы и видел уют, ощущал аппетитный запах еды. Жить бы да радоваться. А не получалось! То ли ему нужно было что-то другое, то ли...

Кто-то другой!

С супругой Николай не ругался. Наташа и характером удалась. Спокойная, понимающая. И не то чтобы он мечтал о стерве. Нет! Просто хотелось драйва. Если бы не сын, Коля ушел бы от жены. И его никто бы не понял, потому что от хороших жен не уходят. Разве что к любовницам, но он супруге не изменял.

Коля был не таким обаятельным, как дед, но видным. Рост два метра и пять сантиметров. Такого не пропустишь. Густые темно-русые волосы, серо-зеленые глаза. На подбородке ямка. Не красавец, но мужчина запоминающийся.

...Грачев-младший добрался до «Лиры» быстро. Уложил-

ся в двадцать минут. Он широко шагал и хорошо знал дорогу. В детстве бегал вместе с друзьями в дачный поселок купаться. На городском пляже народу полно, а тут мало. И все на песчаной косе собирались. Загадочно называли ее российскими Мальдивами (тогда в их краях слыхом не слыхивали об этих райских островах). Мальчишки же любили с обрыва нырять. А так как трусов мочить не хотели, сигали в воду голышом.

Михаил Ильич приобрел дом у наследников почившего оперного тенора. Дом был в плачевном состоянии, и отдали его за копейки. Дед привел его в божеский вид, пристроил веранду. Баньку возвел. И все своими руками. Потом еще участок бесхозной земли купил, договорившись с администрацией. На нем поставил ульи и курятник. Несушки у него были знатными, а все потому, что он покупал шикарных петухов. Смеясь, говорил, что все бабы любят красавцев и куры тоже. А если они довольны, то и несутся лучше.

Коля зашел в дом. Ильич не запирает дверь, поэтому не пришлось звонить или стучать.

Старик сидел в кухне, попивая чай. На коленях кот. В ногах коротконогая дворняга. Последнюю Коля знал. Звали ее Шурой. Дед подобрал ее кутенком. Думал, вырастет большой и будет дом охранять. Но Шура только в младенчестве походила на овчарку. Повзрослев, превратилась в толстую псину на крохотных лапках.

– Дедуля, привет, – поздоровался с Ильичом Николай.

– Здорово, внучок. Чай будешь?

– Не откажусь.

– А оладьи?

– Фирменные? С вареньем из китайки?

– Со сливовым. То кончилось.

Николай закивал. Дед пек удивительно пышные и вкусные оладьи. Варенье тоже сам варил. Получалось изумительно.

– Или медку хочешь? Могу и его достать.

– Как бы не слиплось у меня. Варенья достаточно будет.

– Тогда я тебе баночку липового с собой дам.

– Да у нас есть еще.

– И что? Вот помру, где будешь брать? Не на ярмарке ж меда во Дворце культуры. Там такую дрянь продают.

– Умирать вам, Михаил Ильич, рановато, есть у вас еще дома (и не только) дела, – перефразировал Коля старую песню.

– Вот Мишку, – Коля назвал сына в честь деда, – в первый класс отведу, и можно со спокойной душой...

– Нет, дед, нельзя. У тебя, кроме нас, родственников, собака, пчелы, куры... И еще новый питомец, – он кивнул на кота.

– Нет, этот хиппи не хочет иметь дом. Бродит от двора к двору. – Старик снял кошака с колен, пересадил на стул. – Ты по делу или просто так?

– Пожалуй, по делу.

– Я так и думал.

– Потому что я заявился без предупреждения?

– Лицо у тебя озабоченное. Рассказывай, что случилось.

– Труп нашли у водонапорной башни. Судя по всему, жертву столкнули. Потерпевшая – женщина. И она сестра Родиона Эскина.

– Мальчишки, что покончил с собой лет двадцать назад?

– Помнишь его?

– И его, и дело. Оно было моим последним. Закрыв, ушел на пенсию.

– Парень точно на себя сам руки наложил?

– Доказательств обратному не нашлось. – Дед принялся греть оладьи на большой чугунной сковороде. В нее кинул кусок сливочного масла и накрыл крышкой. – Но предсмертной записки не оставил, и это заставило его мать думать, что парня убили.

– Он сбросился с высоты или утопился?

– Сиганул с башни. Но берег тогда крутым был, и Родион, кувыркаясь, свалился вниз, упал в воду. В ней пролежал часов десять. Его не унесло, камыши помешали да коряги.

– Ему лет пятнадцать было?

– Да. Родя подавал большие надежды. Был невероятно талантлив, артистичен. Занимался в актерской студии, выступал на сцене, снимался.

– Снимался? – переспросил Коля.

– В «Ералаше» и в какой-то рекламе мелькнул, когда постарше стал. Жвачки, что ли. Он был на самом деле очень

перспективным. Художественный руководитель студии не мог на него нарадоваться.

– Как зовут того руководителя?

– Павел Печерский. Актер, режиссер. Он живет в «Лире».

– Не знаю такого...

– Потому что ты спортом занимался, а не театральным искусством. И смотрел боевики с Ван Даммом. Печерский же снимал детские фильмы. Но в прошлом веке. В середине девяностых он отошел от дел, переехал в «Лиру» и стал тут заниматься с подростками. Вел кружок. На энтузиазме, потому что платили ему копейки. Ставил спектакли, даже снимал короткометражки. Он-то и пристроил Родиона в рекламу, как и в «Ералаш». И других своих подопечных пропихивал, но те не дотягивали до нужного уровня.

Оладьи нагрелись, стали потрескивать. Дед снял с огня сковородку. Разлил чай по кружкам. Достал сметану и варенье. Накрыв на стол.

– У парня началось головокружение от успехов? – спросил Коля, цапнув оладушек, лежащий сверху горки.

– Возможно. Мы так и не поняли, почему он покончил с собой. Наверное, это был порыв души творческой, мятущейся, еще до конца не сформированной личности. На водонапорной башне, откуда Родион прыгнул, было последнее выступление. На Дне города они с ребятами из кружка ставили спектакль. Что-то романтическое. Родя играл принца или мореплавателя, девочка, занимавшаяся с ним, его возлюб-

ленную. Они дружили. И кто-то думал, что между ребятами романтическая связь. Быть может, так и было. Но девочка это отрицала.

– А что ты можешь сказать о его сестре?

– Ничего. Я ее не помню. Только мать. Она всю плешь мне проела. Не верила, что сын с собой покончил. Она, кажется, покойная уже?

– Да. Скончалась от инфаркта.

– Выходит, никого из семьи не осталось. Печально.

– Но сестру Роди, Киру, убили.

– Не рано ли выводы делаешь?

Коля пожал плечами. Он, как правильно отметил коллега Костя Пыжов, не имел опыта раскрытия запутанных преступлений. Майора ему не за заслуги дали, а потому что нужно было кого-то продвигать по служебной лестнице, делать начальником, а Грачев, во-первых, внук самого Ильича, а во-вторых, именно он нашел тех, кто вломился в дом мэра. Ими оказались друзья его сына-мажора. Пришлось и этих дурачков отмазать. В долгу перед Николаем не остались, повысили.

– Ты послал кого-то в квартиру покойной? – спросил дед, полив оладушки вареньем.

– Нет. Решил с тобой посоветоваться сначала.

– Советую: езжай туда. Проводи детальный обыск.

– Коллеги за мной заедут, и направимся. Я пешком.

– И с Печерским поговори. Он знал и сестру Роди, они

вместе начинали заниматься в его студии, но она талантом не блистала, а Павел уделял время только самым одаренным. Девочка меньше года была под опекой Павла, а мальчик почти четыре. Он покончил с собой в неполные шестнадцать. Осенью. Его сестра тогда уже училась в Москве в институте. Когда Родя погиб, Печерский помогал семье Эскиных. Он винил себя, как мне казалось. Как наставник должен был понять, что с подростком творится что-то неладное.

– Странно, что я ничего этого не помню. Разве что спектакль на башне, но смутно.

– Ничего странного, ты совсем малым был. – Дед заметил, что Коля съел только один оладушек, и нахмурился: – Что, невкусно?

– Смеешься? Это пища богов.

– Преувеличивать не надо, – проворчал дед, но ему явно было приятно. – Я тебя не амброзией угощаю.

– Хиппи своровал сметану, – заметил Николай. Кот забрался на разделочный стол, смахнул баночку на пол, спрыгнул сам и принялся слизывать лакомство с линолеума.

– Пусть ест, не жалко. Там на дне осталось.

– Меня ты за любые проделки по заднице бил.

– Не ремнем же, ладошкой. И я тебя учил, а не наказывал.

А кота без толку.

– Хорошо, что у тебя есть животные. Мишка просит питомца, но Наташа против. У нее на шерсть аллергия, птиц она терпеть не может, а рыбок не потискаешь.

– Как у вас с ней, кстати?

– Нормально. А что?

– Да что-то она в последнее время нашему обществу не рада. Вы приезжаете, она через час-полтора убегает.

– Дед, сейчас комарья полно. И мошки. У нее кожа чувствительная. Накусают, все воспаляется. А если чесать, болячки не заживают долго. Вспомни, она в мае и июне всегда быстро сбегала.

– Если так, то хорошо. А я уж забеспокоился.

Кот, слизав всю сметану с пола и со стенок банки, развалился, подставив пузо для того, чтобы его чесали. Но ревнивая Шурка долбанула его лапой по морде. Нечего выпрашивать ласки у ЕЕ хозяина. Хиппи зашипел. Собака загавкала. Пришлось Ильичу шугануть обоих. Наблюдая за этой картиной, Коля пил чай и давал себе возможность ни о чем не думать...

Быть может, это последние минуты безмятежности.

Глава 2

Леше Раевскому очень повезло с родителями!

Умные, интеллигентные, веселые, они обожали друг друга и своего сына. Оба работали в «Союзмультфильме». Папа Аркадий режиссером, мама Соня мультипликатором. Познакомились в конце семидесятых, будучи уже зрелыми людьми. Сначала дружили, потом, когда отец развелся с известной артисткой дубляжа, поженились. Маме на тот момент было уже за тридцать, но брак для нее стал первым. Мужчины считали ее чудачкой и простоватой внешне, поэтому не спешили взять в жены. И только отец, имеющий за плечами опыт долгого и выматывающего брака со стервозной красавицей с нереализованными актерскими амбициями, смог разглядеть в ней идеальную спутницу жизни: милую, легкую, открытую, по-детски чистую, а не глупенькую или странную.

Своих детей ни у одного из супругов не было. Отец воспитывал приемную дочь с малых лет, но та его только терпела. И то до поры. Вступив в переходный возраст, стала предъявлять даже больше претензий, чем матушка. После развода она вовсе отказывалась общаться с отчимом, но только не от денег, что он ей присылал на праздники.

Раевские, Аркадий и Софья, мечтали о детях, но у них долго не получалось завести их. Уже отчаялись. Смирились

с тем, что их семья будет состоять из двух человек, как на свет появился Леша. Мама и до этого беременела, но скидывала на разных сроках. Сын тоже недоношенным родился. И очень болезненным. Не недели или месяцы, годы провел в больнице. Были проблемы с легкими, селезенкой, суставами. Леша не помнил первых пяти лет своей жизни, потому что это был ад.

Об этом говорила мама и... шрамы на его теле.

Леша пошел в школу в восемь. Но его еле дотянули до конца первого учебного года. И это при том, что он умел не только читать, писать, считать, но даже умножать двухзначные числа и сочинять стихи. У мальчика были проблемы с коммуникацией. Он не ладил ни с педагогами, ни с одноклассниками. Не конфликтовал, просто чурался их. Когда его вызывали к доске, молчал, а на переменах сидел за своей партой, читал или рисовал. В итоге Лешу перевели на домашнее обучение. Это помогло. Он стал отличником. А начальную школу окончил вместе со сверстниками, перескочив через класс.

Здоровье его тоже поправилось. Леша окреп, стал спортивным. С родителями он катался на лыжах и коньках. Летом играл в волейбол. В одиннадцать его отдали в бассейн. Мальчик научился плавать на Черном море, будучи дошкольником. Вода была его стихией.

Первое время мама водила сына в бассейн и очень за него переживала. Он нырнет, она вскочит, проверит, не захлеб-

нулся ли. А после кидалась с полотенцем и баннным халатом, чтобы согреть. Тренер наблюдал за ней пару месяцев, потом отвел в сторонку и объяснил, что она только мешает Леше. Он осторожничает при ней. И в глазах других ребят смешно выглядит, а ему нужно учиться дружбе со сверстниками.

Мама послушала его и стала ждать сына в фойе вместе с остальными родителями. Те, правда, водили малышню, и только она без пяти минут подростка (в те времена дети были самостоятельными). На следующий год Леша уже ходил в бассейн один. И у него появился друг Олежка, толстый мальчик, которого отдали на плавание, чтобы он похудел. Тренера же Леша считал чуть ли не своим сенсеем. У того была семья, жена и две дочки. Одна – ровесница Раевского. Она стала его первой любовью. Но тайной. Он так и не научился нормально общаться со сверстниками. С мальчишками получалось худо-бедно, девочки же его пугали. Леша зажимался, прятал глаза, нес всякую чушь.

Увы, ему пришлось бросить плавание в четырнадцать. Начались проблемы с дыханием. Врачи диагностировали астму. Предложили, как альтернативу, аквааэробику. Уж коль он так любит воду. Но мама решила, что все проблемы от хлорированной воды, и наложила вето на посещение бассейна. Зато она увозила сына на все лето на юг. Ради него она ушла с работы. А папа, наоборот, начал работать еще больше, чтобы обеспечить жену и сына всем необходимым.

...Леше очень повезло с родителями!

По окончании школы он поступил в машиностроительный. Мама хотела, чтоб в институт культуры. Туда, где училась сама. Но отец отговорил и ее, и сына. Времена не те, чтобы становиться поэтами, искусствоведами, библиотекарями. А юристов и экономистов, которых там тоже готовили, пруд пруди. Инженер-конструктор, вот это профессия! Даже если не получится устроиться на завод-гигант, то без работы все равно не останешься. Диплом престижного вуза и полученные за годы учебы навыки помогут. В крайнем случае можно на мебельное производство устроиться проектировщиком.

Учился Леша легко. Но без особого удовольствия. Если бы он знал, кем хочет стать, то пошел бы в другой вуз. Тот же «кулек». Он смог бы убедить отца. Но Алексей не нашел своего призвания. А коль так, надо получать хорошую профессию в престижном университете. Для души он рисовал и сочинял стихи. Но только для себя. Этим занятиям Леша жизнь посвящать не собирался.

Он окончил вуз с красным дипломом. Таких, как он, работодатели расхватывали тут же. Можно сказать, бились за них. Леша выбрал лучшее для себя место и начал работать в крупнейшем машиностроительном холдинге Москвы и области. Родители очень гордились сыном. Такого парня вырастили! Осталось его женить и можно спокойно умирать.

Мама очень хворала. Отец, хоть и был старше, чувствовал себя лучше и все равно стремительно сдавал. Но оба бодрились. Даже организовывали выезды в лес, как в былые вре-

мена, но на лыжах не катались, а топтались. Леша делал вид, что тоже устал, и предлагал просто погулять. В свой первый отпуск он повез родителей в Карловы Вары, вместо того чтобы отправиться с приятелями с работы в развеселую Коста-Браву или с единственным другом Олежкой в Паттайю. Мама с папой важнее. А им так хотелось именно в Чехию. А конкретно в Карловы Вары. Были там еще в семидесятых. Для них то был лучший город-курорт.

На следующий год они опять же вместе поехали в Европу, но теперь в Грецию. Отец мечтал побывать на острове Родос. Туда с Раевскими отправился и Олежка. Это не пенсионерский курорт, а вполне себе молодежный. В городе Родос есть и дискотеки, и бары, и стриптиз-клубы. Олежка оставался таким же толстым, как в детстве, но теперь его это не смущало или, как он сам говорил, «не парило». Обаяния Олежке было не занимать. Он очаровывал дам галантным обхождением, шутками, открытой улыбкой. А еще щедростью. Деньгами сорил направо и налево, поэтому зачастую нарывался на корыстных особ, среди которых попадались и профессионалки. На одной путане он чуть не женился. Но пронесло! Мамама, как выяснила, что Олежка сорит деньгами не потому, что очень богат, а просто крайне расточителен, передумала выходить за него.

С личной же жизнью Леша творилось неладное. Он научился ладить с людьми, с женщинами в том числе, но влюблялся по-прежнему платонически. Он встречался с несколь-

кими барышнями, с одной чуть ли не год, но все они ему только нравились. С теми же, кто его действительно будоражил, Леша держался холодно и отстраненно.

Поэтому не дожили родители до его свадьбы. Сначала умерла мама от затяжной болезни. А папа ушел за ней. Как шептались пожилые соседки, зачах от тоски.

Леша остался один. Из родственников – никого. Если и имелись, то он с ними не знался. А Олежка находился в другой стране и не мог выехать из-за закрытия границ. Девушка же, с которой Леша на тот момент встречался, не была близкой, и он оставил ее. Или она его, потому, что не получала привычного внимания?

Уже не важно...

Он долго отходил от потери. Захандрил, стал хуже работать, особы противоположного пола перестали его волновать. Стихов Леша тоже больше не писал. Только рисовал, но картины его были мрачны. Через полгода он вступил в права наследства, и оказалось, что Раевским принадлежала не только квартира, но и дача. Находилась она в ста километрах от МКАД. Далековато, конечно, от Москвы, но они семьей и большие расстояния преодолевали, желая выбраться на природу. У отца была старая, но весьма надежная «Волга», и они на ней даже на юг ездили. Не говоря уже о городах Золотого кольца. Так почему же не наведывались на дачу? Леша посмотрел по карте и выяснил, что она находится в живописном месте. Рядом вполне развитый город. И сам

кооператив престижный. Называется «Лира». Участки в нем давали деятелям искусства.

– Развалилась наверняка ваша дача, – предположил Олежек. Он все же смог вернуться с Бали, где застрял на лишние семь месяцев, но все равно не похудел, хоть, по его словам, недоедал и много серфил. – Если она вообще была.

– Судя по документам, да.

– Времянка, может? Или фургон железный, который поржавел?

– Съездишь со мной в эту «Лиру»?

– Не вопрос. Когда стартанем?

Они стартанули в субботу утром. У Леша был выходной, а Олежка не утруждал себя работой. Он сдал свою хату, улетев в Индонезию. А когда вернулся, поселился у друга. Временно, конечно. Ждал, когда договор аренды закончится. Он был заключен на год, но пролонгировался еще на столько же из-за невозможности хозяина вовремя вернуться. Оставалось еще пять месяцев, но Лешу, как и Олежку, это не парило. Они отлично уживались.

...До поселка добирались долго. Пробки, будь они неладны! Да еще Олежек то есть просил, то пить, то устроить «зеленую стоянку».

– Я уже жалею о том, что попросил тебя составить мне компанию, – проворчал Леша, когда другу вдруг вздумалось купить на трассе сушеной рыбы.

– Соскучился по нашим окушкам. На Бали креветки,

кальмары, омары... Надоели!

– Ты же там вроде голодал.

– Ну! Это разве еда? Я бургеры люблю. Картошку фри. А морские гады эти... – Олежек передернулся. – Останови, будь котиком. Я куплю окуней и пива. Попирую, когда приедем на твою дачу.

– Если я исполню твою просьбу, обещаю больше не называть меня котиком. И не требовать остановки.

– Клянусь.

Леша притормозил у первой палатки. Олежек купил и окуней, и леща, и зачем-то банку маринованных кабачков. Плюс три бутылки пива. В машину сел довольный. И оставшийся путь развлекал Лешу индонезийскими байками.

* * *

Он с удивлением смотрел на дом. Небольшой, но симпатичный. Правда, запущенный. Вокруг него росли плодовые деревья, в огороде одичали малина и облепиха, а ревень вымахал до размера тропического куста.

– Это не дача, а сказка, – цокнул языком Олежек. – Восемь соток земли. Дом с тремя комнатами, в который проведена вода. Сад, огород. Есть место, где можно баню поставить. И почему вы сюда не ездили?

– Понятия не имею, – ответил Леша. – Зачем летом ездить на неблагоустроенные турбазы и арендовать домики на вы-

ходные, если есть своя дача?

– Может, она твоим родителям тоже в наследство досталась? Причем недавно?

– Нет, они получили ее как работники «Союзмультфильма», я узнавал. Было это еще до моего рождения.

– Вишню и облепиху сами сажали. И домик перестроен. Значит, ездили когда-то.

– Но очень давно. Смотри, как все обветшало и заросло.

– И все же дачу можно продать выгодно. Я на соседские дома посмотрел, они по меньшей мере приличные. А есть и богатые! Через двор, ни дать ни взять, альпийское шале.

– Давай зайдем в наш дом.

– Только не через окно, – на одном из них стекло было забито фанеркой.

– Ты в него и не пролезешь. Собьем замок. – Ключа у наследника не было.

Леша достал из багажника монтировку и принялся курочить запор. Навесной замок, изготовленный еще в Советском Союзе, цепко держался. Когда Раевский отодрал петли от дерева, толкнул дверь ногой. Она со крипом открылась. Осторожно осмотревшись по сторонам и проверив прочность пола, Леша зашел в дом.

В нем было очень пыльно, пахло затхлостью. И все же Раевскому понравилось помещение. Уютное, мебель хоть и не новая, но симпатичная. И расставлена грамотно, по фэншуй (мама увлекалась им).

– Отмыть, проветрить, и будет чудо-место, как я и говорил, – подал голос Олежка. А затем подошел к ближайшему окну со стеклом и распахнул ставни.

Хотел как лучше, понятно, но вышло не очень: ему в лицо полетели труха, куски отставшей краски, дохлые мухи и все та же пыль. Олежек закашлялся. А Леша не сдержался, хмыкнул.

– Поржи мне еще! – прикрикнул на него друг.

– Воды, скорее всего, нет. – На всякий случай повернул кран, проверил, так ли. – Отключена, – констатировал Леша. – Как ты умываться будешь? Пивом?

– Твоей минералкой. – При Раевском была бутылка «Боржоми». – А потом сходим к соседям и попросим воды. Тут наверняка есть ведро или бидон. А в крайнем случае одолжим.

– Ты умывайся, а я схожу к соседям. – Леша протянул другу бутылку минералки.

В соседнем, богатом, доме никого не оказалось. Либо хозяева решили не открывать ворота, когда Леша в них постучал. И он пошел дальше, любуясь березками и цветущими в палисадниках яблонями. Поселок ему нравился: красивый, чистый, спокойный. Он бы в таком проводил выходные. «Странно, что этого не делали родители, – в очередной раз подумал Леша. – Но я буду. Хотел дачу продать, а теперь погжу...»

Раевский дошел до колоритного деревянного дома с ба-

шенкой. Калитка на заборе была открыта, и Леша прошел к двери. Постучал, про себя проговорив: «Кто-кто в теремочке живет?»»

Открыли быстро. На пороге Леша увидел красивого мужчину в годах. Не старого, а, скорее, выдержанного, как хороший коньяк. Ему было за шестьдесят, на свои года он и выглядел, но был импозантен, ухожен, а его волосы были густыми и благородно серебрились.

– Здравствуйте, я Алексей Раевский, хозяин дома под номером...

– Раевский? – не дал ему закончить фразу импозантный господин. – Вы сын Софьи?

– Да.

– О, я хорошо ее знал. Милейшая женщина. Как она?

– Умерла полгода назад.

– Примите мои соболезнования. – Леша кивнул. А хозяин теремка протянул руку и представился: – Павел Печерский.

– Тот самый? – Он вспомнил старый фильм «Отличник». Где главную роль играл как раз Паша Печерский, парень пятнадцати лет.

– Режиссер, да, – склонил свою голову тот.

Леша не знал, что Печерский еще и снимать стал. Думал, продолжает актерствовать, но теперь играет в сериалах, которые он не смотрел. Включая нашумевшие зарубежные. Он даже фильмы трехчасовые не любил, поэтому «Властелина колец» досмотрел только до половины, а остальные части и

не глянул.

– А с вашей матушкой мы познакомились, когда я снимал «Дурацкого короля».

– О, я его смотрел. Забавный фильм. – Хорошим его назвать язык не поворачивался. А смотрел его Леша лишь потому, что мультипликационного персонажа в «Дурацком короле» рисовала мама.

– Если бы на детские фильмы в те годы выделяли больше денег, был бы шедевральный.

– Это вряд ли, – сказал бы Леша, но не захотел обижать Печерского. Вместо этого попросил ведро воды.

Печерский кивнул и скрылся в доме. Алексея не пригласил, и он остался на крыльце. Через пару минут Павел вернулся. Но не с ведром, а с «баклажкой». Иначе говоря, пятилитровой пластиковой бутылкой с ручкой.

– Надеюсь, вам этого хватит, – сказал он. – Потому что это единственная емкость, которую я нашел. Но зато ее вы можете не возвращать.

– Спасибо огромное.

– Вам для питья она нужна?

– Для умывания.

– Тогда пойдет. Хотя в принципе ее и пить можно. Хорошая вода здесь. Но на роднике, что на спуске к реке, просто чудесная. Поедете в Москву, наберите.

– Непременно.

И, еще раз поблагодарив Печерского, Леша отправился

восвояси.

Отошел от калитки метров на десять, когда увидел полицейскую «Газель». Она ехала ему навстречу. Пришлось сдвинуться в сторонку, чтобы машина проехала. Раевский тут же пошел дальше. Но обернулся, чтобы посмотреть, куда она направляется. Оказалось, к теремку.

Когда «Газель» затормозила, из салона выбрался двухметровый мужчина. Но, возможно, он был и выше.

– Такому бы не в ментовку, а в баскетбол, – пробормотал Алексей и пошел дальше.

Глава 3

Ольга Михеева страдала манией величия.

То был не медицинский диагноз. Она ни разу не обращалась к психиатру. А тот, что проверял ее в детстве, не нашел отклонений. Страдающей манией величия ее считали соседи, коллеги и приятели. Единственная подруга Виола их мнения не разделяла. Она думала, что Оля себя недооценивает.

Ей уже исполнилось тридцать, но ни мужа, ни детей. Ждет принца, говорили все. А могла бы двадцать раз замуж выйти, потому что красивая. Оле на самом деле повезло с внешностью: она уродилась статной, густоволосой, яркоглазой. В юности у нее не было прыщей, а фигура правильно формировалась. Михеева родилась сразу лебедем, а не гадким утенком, и оставалась им. Естественно, за ней бегали мальчики, парни, мужчины. С тремя у нее были отношения: с мальчиком, парнем и мужчиной. С одним на каждый период жизни. Первую любовь Оля испытала в третьем классе и пронесла ее через годы. Вторую – в институте. А третий раз полюбила в двадцать четыре. Два года Оля ждала, когда ее избранник разведется, но когда это чудо свершилось и они съехались, оказалось, что он, ее Леня, не тот, каким представлялся. Ленивый, капризный, крайне раздражительный неумеха. Он не мог не только вбить в стенку гвоздь, но и вызвать того, кто

сделает это за деньги. Благодаря обеспеченным родителям и данному ими престижному образованию, мужчина жил не тужил. Ни к чему не стремился, но был весьма доволен своей жизнью. Леня и развелся не из-за Оли. Жена устала от инертности супруга, его истерик (а они устраивались всякий раз, как что-то требовалось сделать) и ушла. Не к кому-то – в никуда. Оле, естественно, представили это иначе. И месяца четыре она порхала, радуясь тому, что смогла отвоевать любимого у недостойной его бабы, грубой, алчной, высасывающей соки из интеллигентного мужа. Именно такой ее описывали...

И такой же, скорее всего, описывали потом Олю.

Она выдержала чуть больше года. Оказалась слабее бывшей соперницы. В двадцать пять осталась одна. Мама была в шоке. Она не понимала Олю. Столько ждать мужчину, потом переехать к нему и... Уйти? От непьющего, обеспеченного, крайне импозантного. Для нее последнее было не менее важно – родительница с огромным удовольствием показывала совместные фотографии Оли с Леной подружкам и соседям и гордилась тем, какого шикарного кавалера отхватила ее дочь. У других замухрышки, а ее будущий зять как будто сошел с обложки журнала.

Мама от такого ни за что не ушла бы. Она двадцать лет мучилась с мужем, отцом Оли, очень красивым, гулящим и пьющим. Прощала ему все, и кутежи, и измены, и растрату семейных накоплений. А когда отец умер, оплакивала его

долгие годы. И плевать, что он скончался от сердечного приступа на любовнице, с которой отмечал 8 Марта.

Оля больше ни в кого не влюблялась. Хотя у нее были отношения, как в народе говорят, для здоровья. С молодым, веселым парнем. Красивым и бестолковым. Он женился, когда ей исполнилось двадцать девять. Расстались приятелями. По праздникам созванивались.

...Ольга встала с кровати и пошлепала в кухню. Ей нужен был кофе. Огромная кружка черного кофе с одним кубиком сахара. Иногда она добавляла в него еще дольку лимона. По выходным – двадцать граммов коньяка или бальзама. Оля почти не пила. Не потому, что следила за здоровьем или берегла свою красоту. Просто ей не нравился вкус вина или пива. О крепких напитках вообще речи нет! Но немного коньяка или ликера в кофе – это совсем другое дело. И пьется приятно, и расслабляет. А еще, как говорят, полезно.

У Оли была другая пагубная страсть. Она жить не могла без пончиков. Будь ее воля, ела бы только их. С сахарной пудрой, вареньем или сгущенкой. В детстве ей питаться только сдобой не позволяла мать, в студенчестве Оля ела что придется, а проживая с Леней, разнообразила свой рацион: ее избранник привык к супам, рыбке, салатикам, а запивать все предпочитал домашними компотами и морсами. Госпожа Михеева готовила все, что любил ее милый, и сама же это ела. А оставшись одна, налегла на пончики. Но оказалось, что они портят ее фигуру. Оля гордилась тем, что ее тело

не меняется с возрастом, оставаясь стройным, но не худым. А оказалось, она либо недоедала, либо сбалансированно питалась. Пришлось себя ограничить. И теперь она позволяла себе пончиковые пиры раз в неделю. А следующий день делала разгрузочным.

Выпив кофе, Ольга села за компьютер, чтобы поработать. Да, сегодня суббота, и у нее официальный выходной, но имелась еще халтурка. Если можно было так назвать занятие, приносящее значительно больше денег, чем зарплата. Пять дней в неделю Оля трудилась в художественной редакции городской газеты. А в свободное время рисовала картинки в стиле японской анимации, аниме. Поскольку этот жанр стал очень популярен в последнее время, то от заказчиков не было отбоя. Оля хотела бросить работу в газете и посвятить себя анимашкам, но на дыбы встала мама. Человек советской закалки, уже пенсионерка, родительница считала, что каждый гражданин должен быть официально трудоустроен. Тем более незамужняя женщина, о которой некому позаботиться. Мультишки – это несерьезно. Сейчас популярны, завтра нет. А байки про то, что газеты уже прошлый век, ей лучше не рассказывать. Глупости это все!

Надо сказать, что Оле повезло не только с внешностью. Она была невероятно умна, всесторонне развита и легко обучаема. В институте она умудрилась овладеть арабским и английским, просто общаясь с иностранными студентами. Прекрасно рисовать начала, взяв всего несколько уроков.

Оля могла поменять в машине фару, свечи, «дворники». Ей показали, она научилась. Единственное, что ей не давалось, так это игра на музыкальных инструментах. Вроде и слух был, и в нотной грамоте она разбиралась, а не получалось нормально исполнить даже чижики-пыжика.

Отредактировав картинку и отправив ее заказчику, Оля привела себя в порядок, намереваясь выйти из дому. Спортом она не занималась, но гуляла с удовольствием. Могла и пять километров пройти, и семь. Правда, на работу на машине ездила. Но все из-за того, что с трудом просыпалась и на счету была каждая минута. Когда опаздываешь, прогулка – это мука, а не удовольствие.

Оля оделась, взяла с собой термос с чаем. Она планировала дойти до берега и посидеть на лавке, любуясь рекой. На обратном пути зайти в булочную и взять там пару пончиков. Кто-то сказал бы, какая скука. Молодая, красивая женщина проводит выходной как бабка. Но Оле нравился ее образ жизни. Конечно, она хотела бы еще раз полюбить, выйти замуж, завести детишек, но если не получалось, что делать? Убиваться или насиловать себя эмоционально, связывая судьбу абы с кем? Рожать для себя? Но опять же от кого? Хочется от любимого. И чтобы он был настоящим отцом детям, а не просто биологическим.

До реки Оля шла полчаса. Когда достигла любимой лавочки, та оказалась занятой. Она хотела выбрать другую, но тут сидящий на ней мужчина обернулся, и она застыла.

Леня!

Ее третья и на данный момент последняя любовь.

Он тоже ей удивился.

– Оля? – воскликнул Леонид, вскочив. – Глазам не верю.

Что ты тут делаешь?

– Гуляю, – пожала плечами она. Ее бывший оставался все тем же импозантным мужчиной, холемым, хорошо одетым. Он поправился на десять кило, но это его не портило. Лене было уже за сорок, и жирок делал лицо глаже.

– Нет, я имею в виду, что ты делаешь тут, в Приреченске?

– Живу.

– Ты не осталась в Москве?

– Уехала домой сразу после нашего разрыва.

– После столицы в эту дыру? Чудачка.

Так считали многие, если не все. Оля училась в Москве, жила там по окончании института, сначала с подругой на съемной, потом с Леней, была неплохо трудоустроена и имела отличные перспективы, но ее потянуло домой. Думала, наскучит – вернусь. Но затянуло. Оле нравилась спокойная жизнь, работа без напрягов, секс без обязательств с молодым и глупеньким. Именно он познакомил ее с аниме. И когда она начала рисовать картинки и продавать их, то появились и деньги, которых до этого не хватало.

– А ты тут какими судьбами? – задала свой вопрос Оля.

– Приехал к отцу.

– Помирились?

– Начали спокойно общаться, уже прогресс.

С Леней Оля познакомилась по пути в Приреченск. Тогда у нее была убитая «семерка», и она сломалась на полдороге. Первым, кто остановился, чтобы помочь попавшей в беду даме, был Леонид. Он взял ее на буксир и довез до дома на своем «Вольво». Предлагать мужчине на дорогой машине деньги было глупо, и Оля пригласила его на плов. Его она научилась готовить все в той же общаге, где делила комнату с узбечкой. Леня явился и очень понравился маме (папа тогда лежал в больнице, отходя от очередного запоя). Через час она ушла, чтобы навестить мужа и дать молодым людям побыть наедине. Оказалось, новый Олин знакомый сын САМОГО Павла Печерского!

О, этот человек был очень знаменит. И не только в их краях. Когда-то, еще будучи юнцом, он снялся в нашумевшем фильме в главной роли, потом сыграл еще в двух ярких эпизодах других советских блокбастеров. Однако стал не актером, а режиссером. И начал снимать детские фильмы. Хитом стал только один, но лишь потому, что в девяностые было очень трудно раздобыть деньги на кинопроизводство. Богатые спонсоры вкладывали в боевики, а никак не в сказки или подростковые комедии. Пришлось уйти в рекламу. Но к ней душа Печерского не лежала. Благо он успел еще при СССР получить звание заслуженного деятеля искусств, к которому прилагались квартира и дача. В середине девяностых Павел, разменяв трешку в центре на две однокомнатные за предела-

ми Садового кольца, одну сдал, вторую оставил сыну, а сам переехал в поселок «Ли́ра» под Приреченском.

Женился он рано и, как в народе говорится, по залету. Супругу не любил, жили они плохо, и брак распался уже через три года. С сыном Павел виделся редко. От алиментов не уклонялся, подарки на праздники покупал, но близости между отцом и Ленией не было. Если бы не бывшая супруга, Печерский-старший с младшим и не встречался бы. И не обеспечил бы Павел своего единственного наследника квартирой, машиной. Не оплатил бы ему свадьбу, а скорее, даже не явился бы на нее. Но мама Лени умудрялась манипулировать бывшим. Она не наглена. Однако не позволяла Павлу отстраняться от сына и лишать его материальных благ.

Она очень любила своего Ленчика. Поэтому, узнав о своей неизлечимой болезни, нашла сыну невесту, порядочную девушку из хорошей семьи. Взрослую, мудрую. Настояла на свадьбе, заставила Павла проспонсировать ее. А через восемь месяцев умерла, увы, не дождавшись внуков.

Потеряв мать, Леня попытался сблизиться с отцом. Но тот держал дистанцию. Даже если Леня приезжал к Павлу в гости, тот хоть и оставлял его на ночь, но не вел разговоров по душам, не интересовался делами. Довольствовался формальным ответом «Нормально» на вопрос «Как ты?».

Из Приреченска Оля и Леонид уехали вместе. А через две недели вернулись, чтобы забрать из сервиса ее «жигуль». Они еще не были парой тогда. Просто увлеченными друг

другом людьми. Надо отдать должное Лене, он не скрывал свое семейное положение. А мог бы, потому что кольца не носил и супруга ему не названивала бесконечно. Но он сразу раскрыл карты. И Оля не могла себе позволить начать отношения с женатым... До поры!

Через три месяца после той встречи на шоссе она не выдержала и отдалась Леониду. И все закрутилось...

– Отлично выглядишь, – услышала Оля голос Лени и испугнулась с себя воспоминания.

– Спасибо, ты тоже.

Повисла еще одна пауза. Им не о чем было разговаривать. И Оля решила уйти:

– Рада была тебя повидать, пока.

Она помахала ему и двинулась дальше, но Леня остановил ее, бросившись к ней и схватив за руку.

– Не убегай, прошу. Посиди со мной хотя бы.

И столько мольбы было в его взгляде, что Оля осталась с ним.

Они опустились на скамейку. Обозрели реку, берега. На противоположном росли величественные сосны. Из-за них выглядывал купол монастырской колокольни. Оля протянула Лене термос.

– Что там? – спросил он.

– Чай.

– С бальзамом?

– С бергамотом.

– Жаль. Я бы выпил сейчас. – И все же сделал глоток чая. – Как у тебя на личном?

Хотела ответить честно «никак», но решила, что не стоит этого делать:

– Я не замужем. Остальное не важно.

– И я не женат. Скажу больше, у меня нет никаких отношений. Я бобыль.

– Ты не крестьянин. И не бедняк. – Оля припомнила значение этого старорусского слова. – Поэтому называй себя лучше холостяком.

– Я скучал по тебе, Олененок.

Он именно так ее называл. Мама Лялей. Друзья Леликом. А для Лени она была сначала Оленькой, потом, когда у них началось все по-серьезному, Олененком.

– Что же не звонил? – спросила она. – Хотя бы по праздникам, чтобы поздравить?

– Сначала был очень на тебя обижен, а когда отошел, миновал год, и я решил, что ты уже не одна. Не хотел компрометировать.

– Долго же ты отходил.

– Если честно, я не верил, что ты уходишь в никуда. Думал, к кому-то.

– Это не так.

– Да, я осознал это со временем. Между нами много всякого происходило... Но мы были откровенны друг с другом. И это было правдой. Да, Леня виделся ей не таким, каким

оказался на самом деле, но лишь потому, что она придумала его себе. Естественно, не без оснований. Любовник показывал себя только с лучшей стороны. Но никогда не врал по-крупному. А безобидная ложь в отношениях даже бывает полезной. Оля вела себя похожим образом. Показывала себя отличной хозяйкой, понимающей женщиной, терпеливой, восхищающейся своим избранником. Когда начались проблемы в отношениях, она высказывала претензии, но мягко. Леня искренне недоумевал. Считал, что Олененок бесится с жиру. Гневался. В пылу ссоры мог наговорить лишнего. Из серии: что вам, бабам, надо? Я, москвич с квартирой, машиной, стабильной зарплатой, выбрал тебя, провинциалку без кола и двора, развелся, а ты еще капризничаешь? И кого ты хочешь? Принца? Так переносись в сказку или возвращайся на съемную хату в Южном Бутово, авось он тебя там найдет. Вывалится из своего «Бентли», когда ты будешь тащиться к обшарпанному подъезду с пакетами из «Пятерочки».

– Как считаешь, мы можем попробовать еще раз? – спросил Леня.

– Можем, но не будем. Дважды в одну реку не войдешь. Помолчали.

– Отец, кстати, про тебя спрашивал, – сообщил он.

– Мы всего два раза виделись.

– Но он тебя запомнил. И поругал меня за то, что я тебя упустил.

Оля ему не поверила. Павлу Печерскому не было дела до

сына, а тем более до тех, с кем он жил.

– Лень, когда я встречаю Павла в городе, он меня даже не узнает, иначе ты бы знал, что я живу тут.

Тот нахохлился. Кому приятно быть пойманным на лжи, пусть и доброй? Он хотел всего лишь сделать Михеевой приятное, а она взяла и обличила его.

– Лень, я пойду. – Она поднялась с лавки. – Рада была тебя повидать.

– А ты куда? – Он тоже привстал. Хотел за ней увязаться.

– По делам.

– Хочешь, подвезу? Я на машине.

– Нет, спасибо. Пока.

Леня все равно вскочил. И двинулся следом.

– Я все на том же «Вольво» катаюсь, – тараторил Леня. – Помнишь, как мы в нем целовались?

– Смутно.

– У нас, кажется, и первый секс в нем случился.

– Нет, ты ошибаешься. Мы занимались им у меня в квартире.

– В той, что ты снимала с той ненормальной?

– Кристина была более чем нормальной.

– Она странно выглядела, редко мылась и говорила сама с собой.

– С компьютером, – поправила его Оля. – Ты что, никогда не слышал о «Сири» или «Алисе»?

Ее бывшая соседка занималась графическим дизайном.

Сотрудничала с разработчиками компьютерных игр. Когда ее гонорары стали исчисляться десятками тысяч долларов, переехала из Москвы в португальский Фуншал, купила там домик на горе, неподалеку от замка Монте. Вырвалась из панельки в Южном Бутово на Мадейру, сменила серое небо на голубое и каждое утро, попивая кофе на солнечной террасе, смотрела на простирающийся внизу океан. Оля иногда созванивалась с ней, болтала, с удовольствием рассматривала виды. Именно Кристина помогла найти первого покупателя на Олины анимашки.

– А не мылась она, потому что сэкономила воду? – не сдавался Леня.

– Именно.

– Вы по счетчикам напололам платили.

– Кристина за сохранение природных ресурсов. О чем написано было на всех ее футболках. И ты знал бы это, если бы умел читать по-английски.

Оля прибавила шаг. Увидела авто Лени. И как оно не попало ей на глаза, когда она шла к реке?

– Ласточка моя, – сказал он. – Летает, правда, уже не так резво, как раньше. Капитальный ремонт нужен, а он дорого стоит.

«Неужели тебе не хватает денег на элементарное? – подумалось Оле. – У тебя нет детей, родственников, за которыми нужен уход. Ты не брал ипотеку, зато заполучил две квартиры, одна от отца досталась, вторая от покойной матери. Ты

здоровый (если б болел, уже пожаловался бы), молодой мужик с хорошим образованием. Коренной москвич. Для тебя открыты все двери...».

– Леня, а ты работаешь?

– Временно нет.

– Почему?

– Надоело за гроши вкалывать, вот и уволился.

Когда они жили вместе, он протирал штаны в какой-то юридической конторе. Платили ему и правда немного, но премии дают за успехи, а не за красивые глаза.

– Как давно?

– Месяца три-четыре назад. Не помню точно.

– Почему не ищешь новое место? – задала очередной вопрос Оля и прикусила язык.

Она дала втянуть себя в диалог, а это чревато: Леня может уболтать ее и как минимум отнять время. Как максимум, что страшнее, повторно очаровать. В отношения с ним она точно больше не вступит, но проникнется, начнет сочувствовать, помогать.

На ее счастье, Лене позвонили. Она воспользовалась этим и убежала, помахав ему на прощанье. Чтобы не встретить больше, двинула в сторону «Лиры». Леня пешком не ходит, а она погуляет по березняку, послушает пение птичек, а затем тем же путем вернется в город, купит себе вожделенных пончиков и шкалик бальзама.

Глава 4

Николай не успел доесть последний оладушек, как за ним приехали. Пыжов позвонил и сообщил об этом.

– Быстро вы, – сказал ему Грачев, забравшись в салон.

– Вы просто пешком шли, а мы ехали. Я полчаса по галерее чуть ли не ползал. Нашел кирпич с пятном. Вроде кровь. Но, думаю, просто капнула. На всякий случай взял с собой.

– Куда? – спросил водитель, обернувшись.

– Мне вот в тот дом надо, – Грачев указал на дачу актера и режиссера Печерского. Она находилась на соседней улице, но была видна, потому что стояла на пригорке. – Довезите, а сами дуйте в квартиру покойной.

– Ножки ходить устали? – подколот Леха. Он хоть и обращался к шефу на «вы», но постоянно над ним подтрунивал.

– Та улица считается главной, по ней быстрее будет выехать из поселка.

– И кто на ней живет?

– Печерский. Знаешь такого?

– Неа.

– Тогда расскажу о нем потом.

– Я знаю, – восторженно воскликнул водитель. – Это известный режиссер, который в Приреченске с детьми и подростками театральным искусством занимался.

– Среди них была и потерпевшая, и ее брат, покончивший

с собой.

– Это было давным-давно, – фыркнул водитель.

– Да, но Ильич мне посоветовал с ним побеседовать.

– Ну, если Ильич посоветовал, тогда да...

Авторитет деда до сих был непререкаем, кто бы сомневался!

Николая высадили у ворот. Он дал несколько напутствий подчиненному, затем двинулся к калитке. Она оказалась незапертой. Дойдя до двери, Грачев постучал.

– Леша, это вы? – слышалось из-за нее.

– Полиция, откройте, пожалуйста.

Это произошло не сразу.

Но минуты через полторы дверь перед Грачевым распахнулась.

На пороге он увидел красивого мужчину в годах.

– Господин Печерский?

– Он самый.

– Майор Грачев. – Он показал документы. – Могу я с вами побеседовать?

– На тему?

– Вы помните Киру Эскину?

Печерский задумался. Коля мог бы подсказать, но не стал этого делать. Ждал ответа.

– Если вы о девочке, что занималась у меня когда-то в студии...

– И сестре покончившего собой Родиона, тоже вашего

подопечного.

– Да, – он скорбно закивал своей седой головой. – Это была трагедия, о которой я пытаюсь забыть. Недосмотрел за мальчишкой. У него какие-то сложности с девочкой были, тоже начинающей актрисой, а у меня у самого проблемы личного характера, я не обращал внимания на его странное поведение, хотя должен был...

– Давайте об этом позже? И, если можно, пройдемте в дом? А то на пороге стоять как-то неудобно.

– Там воняет. У меня с канализацией беда. Не лучше ли на веранду?

– Вы что-то скрываете?

– Я? – поразился Павел. – Нет. Заходите, если вам так угодно.

И сделал шаг назад.

Грачев переступил порог и тут же уловил неприятный запах. Не фекалий, но застоялой воды.

– У вас в трубах пробка, – сказал Коля. – Прочистить надо.

– Поменять систему надо. Она зимой промерзает, весной заливается, летом, в жару, просто источает миазмы. Так что, будем в доме говорить? Или все же на веранде сядем?

– Я принимаюсь, давайте тут.

Печерский пожал плечами и указал на кресло, стоящее в гостиной. Сам уселся на диван. Как сказал бы дед, чинно-блинно: накинув на себя плед, сунув в рот трубку, элегантно щелкнув зажигалкой. Грачев не любил запах никоти-

на, но лучше он, чем канализационный.

– Кира Эскина погибла этой ночью, – сообщил он хозяину дома.

Тот закашлялся, подавившись дымом.

– А какое я имею к ней отношение?

– Вы были ее преподавателем.

– Как и многих других. Я несколько лет занимался с детьми...

– Да-да, я это все знаю. Вырос в Приреченске. Но что вы можете сказать о Кире?

– Практически ничего. Она хорошо читала стихи и пела, но не умела перевоплощаться. Я таких отсеивал рано или поздно.

– Но брата ее вовсе продвигали?

– Чем мог, помогал. Развивал его и еще троих. Они были моей надеждой. Увы, никто не пробился в актеры. Хотя девочка, с которой Родя играл в романтических постановках, вторая моя звезда, она поступила в «Щуку», но бросила учебу, вышла замуж. Где сейчас, не знаю. Я всех потерял из виду. В том числе сестру Роди. Я думал, она в Москве.

– Приехала на малую родину неделю назад. Не спросите, как умерла?

– Мне, честно говоря, не особо интересно...

– Упала с водонапорной башни.

Павел вздрогнул.

– Той самой?

- Какой именно? – не стал облегчать ему жизнь Николай.
- Откуда, по мнению следствия, сбросился Родя?
- Она у нас тут одна, так что да.
- Как-то это странно...
- Я тоже так думаю.
- Кира тоже с собой покончила?
- А она могла?
- Еще раз повторяю, я не знаю, какой она стала. Помню девушкой. Тогда была веселой, легкой. Увлекалась постоянно мальчишками, как и они ею.
- Смерть брата как пережила?
- Тяжело. Они были очень дружны. Но он ушел почти двадцать лет назад... – Он резко замолчал. – Так как Кира умерла?
- Есть большая вероятность того, что ее столкнули.
- Во сколько наступила смерть?
- Ориентировочно в час ночи. Плюс-минус.
- Зачем она потащилась к башне в такое время? Не в действующую прогулочную зону, а туда, где нет никого или тусуется пьянь? Их семья жила рядом со старым заводом. Это другой конец города. Что-то не вяжется...
- Быть может, ее туда отвезли?
- Тогда вам убийц надо искать не тут, в Приреченске. Сами знаете, какой спокойный наш городок. А стоило приехать девахе из Москвы, как нате вам, преступление. – Его тон стал повышаться. – Быть может, она скрывалась? Ее нашли и на-

казали?

– Вы что так взбеленились?

– А вам не ясно? – Печерский перешел на крик. – Вы без сердца? Поставьте себя на место наставника, чей ученик покончил с собой. Вы бы убеждали себя в том, что ничем не могли помочь, потом просто старались бы не вспоминать о нем. И едва наступило время, когда вам удалось это, вам снова теребят едва зажившие раны!

– Я выполняю свою работу...

– Так делайте это, вместо того чтобы ворошить давно минувшее прошлое!

– Вы успокойтесь, пожалуйста, – смягчил тон Грачев. У старика так покраснело лицо, что он начал опасаться за его здоровье. Не дай бог удар хватит!

Печерский рванул к кухонному шкафчику и достал из него корвалол. Накапав себе его в чашку, выпил, даже не разбавляя.

– У вас ко мне все? – спросил он, выдохнув.

– Пока да.

– Тогда покиньте мой дом, прошу. Мне нужно прилечь. – И вернулся на диван, под плед.

Грачев сделал так, как просили. Покинув дом, набрал номер деда.

– Почему ты отправил меня к Печерскому? – без предисловий выпалил он.

– Сначала скажи, какое он на тебя произвел впечатление.

– Неоднозначное. Вроде убедителен, но я ему почему-то не верю.

– Он актер, но как будто не очень хороший. Не может долго в одном образе находиться. Я тоже не раскусил его... – Дед рывкнул «Фу!» Видимо, его собака опять взялась грызть тапки. Они были любимым ее лакомством. – А вот мой коллега Тахирыч, мы с ним над делом работали, видел его насквозь. Точнее, ему так казалось.

– Кто он такой?

– Тахирыч? Казах по отцу, у которого в роду шаманы были. Зовут банально, Валерой. Ты как удалился, я его набрал. Он тоже на покой ушел, но позже меня. И живет в Москве, нормально, в общем, поднялся. А то дело помнит. Хочешь с ним поговорить?

– Очень.

– Тогда я тебе сейчас его номер продиктую. Позвони.

– Спасибо, дед. – И раскрыл свою папку, чтобы записать телефон. Дед, как многие его ровесники, не умел отправлять смс.

До города Николай тоже решил пешочком пройтись. А то сидит и сидит: то в кабинете, то в машине. А погода славная. И тепло, и солнце. И по пути можно поговорить с дедушкиным коллегой. А коль дождь пойдет, что мало вероятно, сядет на маршрутку.

– Грачев-младший? – услышал он бодрый мужской голос после трех гудков.

– Да, я. Здравствуйте, Валерий Тахирович.

– Приветствую. Ильич мне рассказал о случившемся. Жалко девушку.

– Да... – Коля увидел на дереве белочку. Остановился. Их здесь полно водилось. – Дед сказал, что вы Печерского раскусили. Так ли это?

– Я ничего не могу утверждать, но думаю, он кого-то покрывал из своих ребят.

– То есть Родю все-таки?..

– Столкнули? Возможно. Но никаких доказательств этому я не нашел, как ни пытался. У всех алиби. Та могучая кучка, что была приближена к Маэстро, находилась в одном месте в тот вечер, когда Родя умер. В доме Печерского. Девочка и три мальчика, в том числе Эскин. Они что-то репетировали. У Роди якобы не получалось хорошо сыграть, его подкалывали, он психанул, убежал. Его никто не стал догонять, в том числе наставник. А утром нашли труп Родиона.

– Кто-то все же за ним отправился?

– У парня была зазноба, которая играла Кончиту в той постановке по мотивам рок-оперы «Юнона и Авось» на Дне Нептуна, что была устроена на башне. Звали ее Маргаритой. И в нее, естественно, были влюблены и остальные. Печерский знал об этом и подогревал страсти. Ему нужно было, чтоб дети острее чувствовали эмоции. Это, опять же, только мое предположение...

– И когда Родя погиб, он понял, что натворил, и стал вы-

гораживать кого-то из них?

– Скорее, испугался за свою шкуру. Дети могли выставить Печерского не в лучшем свете, и его заклевали бы.

– Или даже посадили?

– Нет, тогда и статей таких не было.

– Так, ладно, тут ясно... что ничего не ясно. А при чем тут сестра Роди Кира?

– Она ведь тоже занималась в студии.

– Всего год.

– Но на все спектакли брата ходила. И часто на репетиции. Она варилась в том же котле, что и он...

– И что из этого следует?

– Кира вернулась в город и погибла так же, как ее брат. Это настораживает.

– Убийца Роди и с ней разделался, что ли?

– Самые нелепые версии иногда оказываются единственно верными.

– Им может быть Печерский?

– Почему нет? И тогда уже не он покрывал своих питомцев, а они его. Мы не могли давить на детей. Они все были в шоковом состоянии. Но твердили одно и то же. Вскоре студию прикрыли. Об этом позаботилась Эмма Власовна. Знаешь ее?

– Конечно. Поэтесса и заведующая библиотекой.

– А еще ярая детозащитница. Своих родить не смогла, но за чужих горой стояла. Она считала, что Печерский кале-

чит детей. Ломает их психику. Все годы, что театральная студия существовала, Эмма пыталась ее закрыть. Удалось только после гибели Родиона.

– Мне стоит с ней поговорить?

– Я бы не советовал. Женщина еще двадцать лет назад была с приветом, а сейчас совсем, наверное, поехала крышей. А может, и умерла?

– Нет, я бы знал. В городе ее до сих пор любят и уважают. И провожали бы в последний путь с почестями. – Коля шел, а белка скакала с ветки на ветку, будто компанию ему составляла. – Валерий Тахирович, не могли бы вы мне человека в Москве порекомендовать, к которому можно обратиться по поводу Киры? Она полжизни там провела, прописана опять же в столице. Может, ее убийство и не связано с прошлым?

– Человека порекомендую. Но сразу скажу, Кира Эскина чистая. Я навел справки. Закопослушная гражданка без приводов и порочащих связей.

– Когда вы успели?

– Умеем мы, советские менты, оперативно работать, – хотнул Тахирыч. – Контакт я тебе скину. Но мне можешь звонить в любое время.

– Спасибо вам огромное.

– Не за что. Мне только в радость внуку Ильича помочь. Как дело раскроешь, приеду, обмоем.

– Заметано.

Они распрощались, и Николай убрал телефон в карман.

Там нашлась рафаэлка. Он таскал с собой эти конфетки, потому что любил их так же сильно, как дедово варенье, но никому в этом не признавался. Он суровый мужик, мент, а «Рафаэлло» для девочек...

И белочек.

Разорвав обертку, он подошел к дереву и положил конфетку на ветку. Пусть зверек полакомится.

Глава 5

Когда он зашел на свой участок, то увидел...

Картину маслом! Так сказал бы Олежка, если б смог пронаблюдать за собой со стороны.

На сочной зеленой траве, под отцветшим вишневым деревом, раскинувшись, лежал пузан с довольной, хоть и местами грязной физиономией. На его носу сидела стрекоза, а под мышкой помещался рыжий кот, он глодал рыбий хвост. Бутылку из-под пива, что валялась с другой стороны тулова, облизывал белый козленок.

– Меня не было пятнадцать минут, а ты успел напиться и завести себе трех питомцев, – проговорил Леша сокрушенно.

– Четырех, – ответил ему Олежек, и стрекоза не улетела, когда он открыл рот. – На дереве птичка.

– Да ты просто диснеевская принцесса, заточенная в тучное тело тридцатилетнего мужика.

– Не завидуй, Лешенька. Лучше ляг рядом, авось поймашь дзен.

– Вряд ли смогу. Я за рулем, поэтому не пью.

– К сожалению, ты не поймашь его, даже если нарежешься. Я же выпил всего бутылку пива. Остальные ждут меня.

– Умываться будешь?

– Неа. Мне и так хорошо.

Раевский не стал настаивать и прошел в дом, чтобы взять стул и вынести его во двор. Еще хотелось бы чашку, куда можно налить воду. Он не отказался бы от засахаренного варенья и тогда сделал бы себе что-то наподобие морса. Но ничего пригодного к употреблению в пищу не нашлось. Пришлось довольствоваться стулом и чашкой. Ее он ополоснул, затем наполнил. После этого уселся рядом с другом и попытался поймать дзен. Естественно, ничего не вышло.

– Ляг, – сказал Олежек. – На стуле неудобно. А на травушке так хорошо, мягко...

– Ты точно выпил только одну бутылку?

– Угу.

– А козла где взял?

– Пришел откуда-то. Ты ж не закрыл калитку.

– Не думал, что на дачах кто-то держит скот.

– Боря не скот, он личность.

– Ты уже и имя ему дал?

– Он же на Ельцина похож. Не заметил?

– Не вижу никакого сходства. А котик у нас кто?

– Бегемотик.

– Логично. Тогда птичка Невеличка?

– Нет, она Жозефина.

– А ты чудак человек.

– Да, я такой, – улыбнулся Олежек. – Есть не хочешь?

– Перекусил бы. А есть чем?

– Только окушки, но они к пиву. Давай в город сгоняем,

купим пожарать. А то я проголодался.

– Ты хомячил всю дорогу, – напомнил Леша. – Но твоя идея мне нравится. Предлагаю купить все для шашлыка, от мяса до мангала, и устроить пикник.

– Согласен с предыдущим оратором.

– Тогда вставай, поедem. Или продолжишь валяться?

– Хотелось бы остаться, но я не доверю тебе покупки: выберешь не то мясо, овощи, соус.

Леша протянул другу руку, чтобы помочь подняться. Олежек сделал это. Стрекоза перелетела с его носа на голову, Бегемотик оставил свое лакомство и привстал, Боря начал перебирать копытцами, а Жозефина зачирикала.

– Моя машина не Ноев ковчег, так что питомцев твоих я не возьму, – предупредил Леша.

– Хочу напомнить тебе, что в ковчег брали только парных животных, – ответил Олежек. Отряхнув задницу, он подобрал бутылку и обглоданный рыбий хвост, чтобы выкинуть их. Друг был очень внимателен к окружающей среде. – Заночуем тут?

– Тут? – переспросил Леша.

– Да, на даче твоей.

– В грязище и вонище?

– Ой, я на Бали еще и не в таких норах ночевал. Но если тебе не нравится запах затхлости и пылига, можем вытащить матрасы, одеяла, выбить их и поспать под открытым небом. Сегодня дождя не обещали.

– Час от часу не легче, – пробормотал Леша.

– Ты такой зануда.

Это было правдой. Раевский если не помалкивал, то бубнил или нудил. Не всегда, конечно, но по большей части. Мама, покойница, говорила, что он ей напоминает Ипполита из «Иронии судьбы». А Олежка – Лукашина. Когда они семьей на Новый год смотрели эту картину, она всегда высказывала мнение о том, что Надя сделала неправильный выбор. Маме нравился обстоятельный, серьезный, крепко стоящий на ногах Ипполит. Леша, будучи уже в сознательном возрасте, возразил ей:

– Мама, он же зануда! Такие не нравятся!

– Не правда. Мне очень.

– Но папа не такой.

– Он нет. А вот ты... – Она чмокнула его в насупленный лоб. – Ты будущий Ипполит, сынок. Обстоятельный, серьезный, крепко стоящий на ногах. А Олежка – Лукашин. Который вроде человек золотой, а какой-то ненадежный. Я бы на месте Нади такого никогда б не выбрала.

* * *

– Ваня, Ванечка, – послышалось из-за забора, к которому друзья направлялись. – Где ты, мальчик?

Козленок заблеял и побежал к калитке. За ней стояла де-вушка. Очень хорошенькая, хрупкая, длинноволосая. Насто-

ящая Аленушка.

– Он ваш брат, который попил из копытца? – не удержался и ляпнул Раевский.

Девушка заливисто рассмеялась.

– Он мой будущий артист. Пока молодой, бестолковый. Но я выдрессирую его.

– Как вас зовут, прекрасное создание? – обратился к ней Олежка. Его глаза заискрились, а живот втянулся.

– Аленушка.

– Вы это серьезно? – продолжил занудствовать Леша.

– Да. Меня зовут Елена Бурцева. Но выступаю под псевдонимом Алена Бур. Я цирковая. Мой дед был клоуном, народным артистом РСФСР.

– Я Олег Кравченко. Путешественник, серфингист, философ, зоозащитник.

– Иначе говоря, бездельник, – мысленно дополнил его краткое резюме Леша. А вслух сказал: – Он дал вашему козлику имя Боря. Говорит, на Ельцина похож.

– Да, очень. – Аленушка улыбнулась Олежке. – И неравнодушен к алкоголю. Постоянно бутылки из-под него облизывает. Но пришлось малыша назвать Иванушкой.

– А кот, случаем, не ваш? – спросил Леша, направившись к машине.

– Я его первый раз вижу. Бездомный, наверное.

– Гуляющий сам по себе, – поправил ее Олежка. – Мы в город. Хотим купить мяса, замутить шашлык. Не желаете

вечером к нам присоединиться?

– Я вегетарианка.

– Овощи на углях тоже хороши. А для вашего Иванушки у меня найдется пара опорожненных бутылочек пива. Лизать не перелизать.

– Хорошо, мы придем.

И, помахав ему маленькой ладошкой, пошла меж берез в сторону стоящего на пригорке домика с увенчанной петушком крышей. Иванушка потрусил следом.

* * *

До Приреченска доехали за пятнадцать минут. Леша прикинул, что пешком, если срезать через лес, добраться можно за полчаса. Он притормозил у супермаркета, который, по его мнению, находился в центре города. Тут и здание мэрии, и Дом культуры, и вечный огонь. Были и кафе, причем симпатичные, в европейском стиле, с летними террасами.

– Какой городок замечательный, – выразил их общее мнение Олежек. До этого он говорил только об Аленушке. – Чистый, уютный. И мы не встретили ни одного алкаша.

– Еще не вечер.

– Я тебя умоляю, – фыркнул друг. – Пьяный часов не наблюдает.

Они вышли из машины и проследовали к магазину. Взяв тележку, пошли по рядам. Олежек с видом знатока выбирал

продукты, и Леша ему не мешал. Он был в еде неприхотлив. Покупал ее, не глядя. Мог выбрать колбасу по упаковке. Привлекла взгляд – кинул в корзину. Состав никогда не читал. И удивлялся тем, кто делает это. Раевскому казалось, что вся колбаса на один вкус, если она не копеечная. Но и дешевую мог есть. Только без удовольствия.

– Винишка, может, возьмем? – предложил Олежка. – Красненького. Под мясо – самое то.

– Бери, если хочешь. Я пить не буду.

– Почему? Мы же остаемся.

– Я еще не решил.

– Лех, ну давай? В машине поспишь, она у тебя большая. Или к Аленушке напросимся. Выделит тебе комнатку.

– А ты будешь делить комнатку с ней, так?

– Нет, я не такой. В день знакомства сплю только с профессионалками. А за барышнями ухаживать нужно. Лягу, где придется.

– Ладно, уговорил. Давай возьмем вина.

Олежка радостно понесся в отдел с алкоголем. И тут Леша последовал за ним, потому что, если Кравченко дать волю, он наберет дрянного пойла и много. А нужно хорошего и всего две бутылки. Три максимум.

У прилавка с испанскими винами Леша столкнулся с красивой девушкой. Она шла от стеллажа с бальзамами и настойками, неся в руках маленький «Егермейстер».

– Богдан? – воскликнула она удивленно.

– Вы ко мне обращаетесь? – решил уточнить Раевский.

– Да, да, конечно! – Девушка всплеснула руками. – Надо же, не думала, что увижу тебя еще... Как ты?

– Нормально. Но я не Богдан.

– Нет?

– Меня зовут Алексеем.

– Точно?

– Сто процентов. Могу права показать.

– С ума сойти, как похож... Глаза, нос, уши... И шрам на брови. – Девушка смутилась и поспешила извиниться. После чего добавила: – С Богданом мы в раннем детстве были очень дружны, но я его не видела сто лет, вот и перепутала... Еще раз простите. Всего вам доброго.

– Девушка, постойте. Как вас зовут?

Но она уже убежала, а Леша не стал догонять. И все потому, что незнакомка невероятно ему понравилась.

– Что за красотуля? – спросил Олежек, подойдя к тележке с двумя коробками бурды, выдаваемой за шардоне.

– Перепутала меня с каким-то Богданом.

– Я бы притворился им на твоём месте. Девочка – огонь.

– Да, симпатичная.

– Догони и позови к нам на пикник.

– Не...

– Ой, ну тебя. Я сам! – и затрусил по аллейному залу супермаркета в сторону касс. А Леша выложил из тележки коробки с пойлом и загрузил в нее три бутылки «Карранс». В

Испании, где он все же побывал, это вино стоило два с половиной евро, в России дороже, но всего втрое. Молодое, с простым букетом, но оно явно лучше, чем коробочное псевдошардоне.

– Не догнал, – выпалил Олежка, вернувшись к тележке и кинув в нее большую пачку чипсов. – Думал, на кассе перехвачу, но она своего «Егеря» оставила и улизнула.

– И ладно. Пойдем за мангалом и пластиковой посудой. Еще я бы прикупил пару полотенец, швабру и чистящие средства.

– Решил устроить уборку?

– Навести небольшой марафет дому, пока ты жаришь шашлык и овощи. А воду наберем на роднике. Я вспомнил, что у меня в багажнике есть две пустые канистры.

На том и порешили. И отправились в отдел, где продавалось все для марафета дома.

Глава 6

В квартиру Эскиных удалось попасть, не ломая двери. У соседей оказался запасной ключ. Его вынесла мама водителя труповозки Димона, которой он, по всей видимости, позвонил. Женщина поджидала Пыжова у подъезда. А вместе с ней еще три пенсионерки, одной из которых было на вид лет сто. Все имели что сказать оперу, в том числе она.

– Ты в соседнем доме живешь, Пална, – отодвинула бабю другую, побойчее, с волосами цвета сельди под шубой: корни белые, концы красные, а между ними желтая морковь. – Ступай к себе, не мешай следствию.

– Зато я тут старожил, – проскрипела в ответ Пална. – А ты понаехала. И уже после того, как мать и сын Эскины померли.

– А я с Кирой позавчера разговаривала, – вклинилась третья. – Считай, была последней, кто с ней общался.

– Да тебе лишь бы с кем поболтать. К любому прохожему цепляешься...

Тетеньки заспорили. Константин подхватил под руку маму Димона и увел в подъезд, решив, что если понадобится еще понятой, то привлечет кого-нибудь из трех склочных пенсионерок.

Об этом он рассказал начальнику, когда тот прибыл на место.

– Судя по тому, что в квартире ты один, делаю вывод: ничего заслуживающего внимания не обнаружено?

– Точно. А мама Димона пошла к себе за бутербродами. Решила меня, бедолагу, накормить.

Грачев осмотрелся. Обычная советская двушка: на стенах выцветшие бумажные обои, там же ковры, репродукции. Югославская мебель. Люстры из стекла и «самоварного» золота. Коля въехал в такую же квартиру, когда женился. Но сделал ремонт, и сейчас там было приятно находиться. У Эскиных же было неуютно. Квартира угловая, мрачная. В ней холодно и... тоскливо?

– Ты передернулся, – заметил Костя. – Почему?

– Не по себе мне тут.

– Мне тоже. Какая-то аура нехорошая у этой квартиры.

– Ты веришь в такие глупости?

– Глупости или нет, а все жильцы, которым хата сдавалась, съезжали через год максимум. А тут все исправно: отопление, канализация. Последние почти на халяву жили. Только коммуналку платили и пару тысяч сверху. Так сказать, за износ. И все равно отказались от квартиры. Пустовала полгода. Кира на продажу ее выставила. Но не нашлось желающих ее приобрести.

– Она же в Приреченске давно не появлялась, – не мог не вспомнить слова Димона Грачев. – Как тогда дела вела?

– Через доверенное лицо, – ответили ему. Это в квартиру вернулась Димкина мама с тарелкой, на которой лежали

бутерброды с колбасой и сыром. – Их с Родей общий друг детства, Ромка, риелтор. Он и сдавал, и продавал.

– Ромка? – переспросил Лев. – Это не Попов ли?

– Да, он.

– Я через него хату свою менял после развода. Толковый чувак.

– Он тоже ходил в театральную студию вместе с Родей? – предположил Грачев.

– Вроде бы. Мальчики, вы ешьте. – Женщина поставила тарелку на стол. – Я за компотом сбегая.

– Да вы не беспокойтесь о нас, Серафима Петровна.

– Мне не в тягость.

И она снова удалилась. Мужчины взяли по бутерброду. Но Коля не был голоден, поэтому, надкусив, отложил. А Костик свой умял за секунды и принялся за второй.

– Паспорт гражданки Эскиной тут, в квартире, – жуя, сообщил он. – Кое-какие личные вещи, сложенные в рюкзак. А телефона нет.

– Сейчас никто без него из дома не выходит, значит, украли или выронила. Скорее, второе.

– Почему?

– Если б грабили, взяли бы в первую очередь серьги. Они золотые. Сбыть легко, не то что телефон. Они сейчас все от отпечатков работают или фейс-айди.

– Надо номер узнать.

– Запросим.

– Или спросим. – И зашагал в прихожую. – Серафима Петровна, у вас есть номер Киры? – Соседка, как оказалось, вернулась с компотом. Коля не слышал, как она вошла.

– Нет.

– А Ромы?

– Его есть. Это ж он у меня запасные ключи оставил. Чтоб я потенциальным покупателям квартиру показывала, если он не может. Тортик принес. Но обещал отблагодарить денежкой после сделки. Да только никто не захотел покупать эту квартиру почему-то. Хоть и не дорого просили. Но я тебе, Левушка, уже говорила об этом.

– Телефон при вас?

– Да. Всегда. – Она сунула руку в карман кардигана и достала из него кнопочный аппарат «Нокиа 6300». У Коли был такой в университете. Предел мечтаний всей молодежи того времени. – Набрать Рому?

– Сделайте милость.

Женщина принялась жать на клавиши, отведя телефон от лица – вблизи плохо видела. Наконец ткнула в зеленую трубку. Когда услышала «Алло», протянула сотовый Льву, но его перехватил Николай.

– Господин Попов, здравствуйте, моя фамилия Грачев, я начальник уголовного розыска города Приреченска.

– Добрый день. Хотя вряд ли он такой, да? Раз вы звоните с телефона Серафимы Петровны? Что с ней?

– С ней все в порядке. Погибла Кира Эскина.

– Как это? Мы вчера утром виделись...

– Скиньте ее телефон, пожалуйста.

– Да-да, конечно. А что произошло?

– А об этом хотелось бы с вами поговорить при личной встрече. Вы один из немногих друзей детства, с кем она общалась все эти годы.

– У нас были сугубо деловые отношения. Не без приятельского доверия, конечно.

– Сегодня вы сможете подъехать в отделение?

– Да, но не лучше ли мне сейчас подскочить в квартиру Киры? Вы ведь там? – Коля дакнул. – Я в пяти минутах от вас. Ждите. Телефон сейчас скину.

Номер пришел через несколько секунд. Грачев набрал его. Абонент, как и ожидалось, был вне зоны действия сети. Но телефон можно начать пробивать уже сегодня. Да, суббота, и получится не так оперативно, как в будний день, но с технической службой можно договориться, а сотового оператора подключить уже утром понедельника.

Полицейские отпустили маму Димона. Уже вдвоем прошли по квартире. Спала Кира на диване даже без белья. Почти не ела, но много пила жидкости: в ведре пустые бутылки из-под воды, сока, лимонада. Смотрела телевизор. Читала детективы – на журнальном столике лежали книги, написанные Агатой Кристи, Рексом Стаутом, Александрой Марининой. А еще старый фотоальбом. Грачев открыл его, стал листать. На снимках уже более или менее взрослые де-

ти. Школьники. Девочка и мальчик. Она хорошенькая, щекастая. Он тоже очень симпатичный, но худенький, почти прозрачный. На некоторых брат с сестрой были запечатлены с мамой, улыбчивой, но при этом грустной женщиной. Было видно, что она старается казаться счастливой, но делает это из последних сил. Одной растить двоих детей непросто, тем более когда у тебя проблемы с сердцем.

...Роман приехал, как и обещал, через пять минут. Он оказался высоким симпатичным пухляшом с обширной лысиной, которая его ничуть не портила. А еще он был невероятно элегантно одет. Фисташковая рубашка с золотыми запонками, светло-коричневый костюм и бордовые ботинки. Как ни странно, все цвета между собой сочетались. И «голда» не выглядела вульгарно.

– Вы такой пижон, господин Попов, – не смог смолчать Коля. И его коллега закивал. Рот его был занят бутербродом, поэтому Константин помалкивал. – Отлично выглядите.

– Спасибо. У меня на одежде пунктик.

– Непросто, наверное, подбирать под нестандартную фигуру?

– Еще как. Но это даже хорошо, иначе я бы тратил все свои гонорары на барахло.

Они уселись на диван. Лева наконец доел последний бутерброд, запил его компотом и, стряхнув с губ крошки, присоединился к начальнику и свидетелю. Но угнездился на стуле, оседлав его, как коня.

– Рассказывайте, – скомандовал он.

– О чем? – решил уточнить Попов.

– О состоянии Киры.

– Финансовом?

– Если в курсе, то да. Но меня эмоциональное интересовало. Она была не в себе, так?

– Нет, – с заминкой ответил Роман. – Может, чуть более нервная, чем когда-то... Но Москва меняет людей. Кира пахла без выходных, чтобы купить себе жилье, смогла приобрести квартиру только на далекой окраине. До работы два часа в одну сторону. Подъем в пять тридцать утра. Возвращение в девять. Измоталась. Исхудала. И когда ее не повысили, как обещали, психанула, уволилась. После чего приехала сюда.

– Вы говорите, вчера виделись?

– Да, я был тут. Мы подписали договор.

– Какой?

– Я решил сам выкупить у нее квартиру. Цена-то бросовая. Думаю, сделаю ремонт, переселю маму. До сих пор делю кров с нею. А мне уже тридцать пять. Жениться пора.

– Есть на ком? – полюбопытствовал Лев.

– Трудно найти невесту, если живешь с мамой.

– Ее вообще трудно найти. Я пять лет в разводе. Живу один. И никого...

Грачев взял альбом и подтолкнул его к Попову.

– Вы тут есть? – спросил он, ткнув пальцем в общую фо-

тографию, на ней импозантный мужчина с сединой, Печерский, и несколько ребятишек, им от одиннадцати до пятнадцати.

– Да, вот я, – Попов указал на очаровательного долговязого мальчика с копной темно-каштановых кудрей. – Меня не узнать, правда? Такие волосы! А какой я стройный. Только щечки налитые. Полнеть начал в период полового созревания.

– А тут вам сколько?

– Тринадцать. Но я был сущим ребенком. Владик... Вот этот рыженький пацан в очках, он младше меня на год, уже к девочкам приставал. Да по-взрослому. Павлу пришлось его за это исключить из студии.

– Вы называли его по имени?

– Да. Он на этом настаивал. Даже и не знаю отчества, если честно.

– Что были за отношения в коллективе?

– Тесные, дружеские.

– Ой ли?

– Нет, серьезно. Тогда, когда это фото делалось, мы были командой. Потом что-то изменилось. Я думаю, из-за того, что мы стали взрослеть и наши характеры испортились. Тот же Владик, он был чудесным мальчишкой, озорным, веселым, играл двоечников и обаятельных хулиганов. Но как гормоны в голову ударили, превратился в озабоченного идиота.

– На фото всего три девочки, – отметил Николай. – Он ко всем приставал?

– Да. Но тут их две вообще-то. Маргарита и Ларочка. А пухлогубая блондинка – это Димка, ныне известный как Демон, он популярный диджей и борец за права геев.

– Кто бы сомневался, – пробормотал Лев. Затем задал свой вопрос: – А которая из двоих девочек Маргарита?

– Та, что пострашнее.

– Да они обе не особо.

– Ушастая.

– И это роковуха, в которую вы все были влюблены?

– Да. И вы правы, она была такой. Магнетически притягательной девушкой. Талантливая, обаятельная, чудная... и чудная. Таким, как она, не обязательно быть красивыми. Как Жозефине, Лиле Брик, Фриде Кало, Вуппи Голдберг. Маэстро не уставал повторять это. Он превозносил Марго, и мы смотрели на нее его глазами. Поэтому влюблялись.

– А сам он?.. Не питал к ней каких-то особенных чувств?

– Он любил ее, но как свое творение, не более. То есть никакой грязи.

– А с Родей у Марго было что-то?

– Что-то да. Но они не объявляли себя парой. Поэтому я и Марк надеялись на ее расположение. Я в глубине души. А он заявлял на нее права. Вот он, кстати, – и указал на высокого парня, тот был длиннее Попова, в косухе и с дерзкой челкой. – Марк хотел заполучить не только Маргариту,

но и роль мореплавателя в нашей самой успешной постановке. Он был фактурный, умел петь, в отличие от Роди. Когда Марк выходил вместо него на сцену (мы ездили со спектаклем по соседним поселкам и городкам), то его принимали даже лучше, чем Эскина.

Грачев тем временем перелистнул альбом. Его заинтересовало еще одно фото Маэстро со своими подопечными, но их было уже меньше, а в возрасте они прибавили. Николай узнал Марго, Родю, Марка и Романа. Та самая могучая кучка?

– Этот снимок был сделан незадолго до смерти Роди, – сказал Попов.

– Да, я вижу дату в правом левом углу. Через неделю мальчика не стало.

– Как думаете, Роман, он сам сбросился с башни? – обратился к риелтору Костя Пыжов.

– Не кончал Эскин с собой.

– Нет?

– Погиб в результате несчастного случая. Он плохо видел в темноте. Куриная слепота, так это называется? Полез на башню в нестабильном эмоциональном состоянии, чтобы доказать себе, что он непревзойденный актер и единственный, кто достоин главной роли. Думаю, он отыгрывал ее, как на Дне города. Но так увлекся, что не заметил, как дошел до края галереи.

– Тогда были целы ее перила. Нужно постараться, чтобы

перевалиться через них.

– Наверное, встал на один из поручней, чтобы посмотреть вдаль. Мы с Кирой много раз обсуждали произошедшее. И пришли к единому мнению. Но по официальной версии Родя покончил с собой. А его мама все искала убийцу...

– Как вы провели вчерашний вечер? – довольно грубо прервал его Грачев.

– Был в гостях.

– У кого? Имя, фамилия. До сколько пробыли?

– Что за вопросы?

– Ответьте.

– Не буду. Это не ваше дело, где я был!

– Киру убили. А вы тот, кто видел ее последним. Так с кем вы провели вечер?

– Вы что же, меня подозреваете? – Его пухлые щеки заалели. – Но зачем мне ее убивать? Она мне ничего плохого не сделала! Более того, мне она нужна живой, ведь я хочу эту квартиру купить, а теперь неизвестно, кто ее унаследует.

– Имя, фамилия... – Николай поднялся во весь свой огромный рост и навис над Поповым. – До сколько пробыли в гостях?

– Человек не свободен, я не могу назвать его вам. Но я до утра оставался у него. И это не в Приреченске, а в Москве. Я оттуда только еду...

– Уж не к диджею Демо ли гоняли? – выпалил Лева, едва сдерживая смех. Его позабавил испуг риелтора. Как и на-

чальник в роли плохого копа.

– Я не гей. У меня женщина есть. Но она замужем. А если не верите, что меня не было в Приреченске, проверьте камеры на шоссе.

– Сделаем это обязательно.

Роман вскочил и отбежал от Грачева. Утерев пот со лба, спросил, обратившись к Пыжову:

– Я могу быть свободным?

– Можете. Но к следователю все же придется явиться.

– Когда?

– С вами свяжутся.

Попов кивнул и поспешно покинул квартиру, а Пыжов с укором посмотрел на начальника:

– Зачем вы так на него наехали? Я думал, он сейчас штанишки обмочит.

– Не мужик, а трепетная лань. И чего он так разнервничался?

– Вы себя со стороны не видели. Я бы тоже струхнул, нависни надо мной великан с грозно сдвинутыми бровями. Ладно, я вас знаю. И меня картина позабавила. Но бедненький Роман...

– Врет ведь он!

– Скорее, чего-то недоговаривает. – Костик допил компот и похлопал себя по надувшемуся пузу. – Камеры на трассе будем проверять?

– Отправим запрос.

– Пухляш на убийцу не тянет. Он запыхался бы, пока поднимался на башню. А Киру еще и волокли, а это сколько усилий.

– Не аргумент.

– Согласен. На адреналине можно и не такое проделать. Я как-то на остановку автобусную запрыгнул, когда увидел бегущего на меня кабана. Ночью шел из «Лиры» в Приреченск. От девушки. По молодости дело было. И тут он! Огромный, клыки, как сабли. Я буквально взлетел на два с лишним метра. А слезть не мог – высоко. Ждал первого автобуса. Водитель вышел, помог.

– Так это ты человек-паук? – хохотнул Николай. – На тебе ж еще красная водолазка была, да? Я слышал эту историю.

– Да уж, грандиозное событие для наших краев. – Костя взял тарелку и графин. – Поехали?

– Ага. Мне телефон московского опера дали. Проверим связи Эскиной. Может, там накосячила? Поэтому уволилась и сбежала?

Пыжов кивнул, и полицейские покинули квартиру подозреваемой, так и не найдя зацепок. Они не знали, что могли бы получить ответы на многие вопросы, обнаружив дневник Родиона Эскина...

Но им уже завладел кто-то другой!

Глава 7

Козленок вернулся. В отличие от кота.

Стрекоза и птица тоже отсутствовали. Но Олежек прикормил какого-то пса. Плешивого, хромящего, но умеющего улыбаться. Лехе он тоже понравился. Однако гладить его он не стал. Вдруг лишний? А Олежка трепал того за загривок и называл Трампом. По его мнению, пес был похож на бывшего президента Америки. Любил он ассоциировать животных с известными личностями, особенно политиками.

Шашлыки спели. Мясной, грибной и овощной. Пока друг готовил, Леша прибирался в доме. Что смог, отмыл. Проветрил помещение. Влюбился в дом и место, где он располагался, еще больше. Его не отпускала мысль о том, что он уже бывал в нем. «Ли́ра» казалась знакомой. Как и Приреченск. И если городок не оставил приятного впечатления (впрочем, как и негативного), то поселок очень даже.

Уютный, милый... Родной?

На ужин явилась Аленушка. С Иванушкой, что естественно. Когда зажаренные продукты перекочевали с шампуров в тарелки, сели за стол, который вынесли из кухни. Вино разлили. Олежка начал травить байки. Раевский цапнул кусок свинины, запил красным вином и вышел за ворота. Зачем? Сам не знал. Просто захотелось посмотреть, как живет поселок. Оказалось, спокойно. На улице никого. Во дворах ти-

шина. Леша собрался вернуться, как увидел девушку. Ту самую красавицу из супермаркета.

Раевский помахал ей. Девушка ответила.

– Вы не подумайте, я вас не преследую, – сказала она.

– Знаю. Красавицы обычно меня обходят стороной.

– Я Оля.

– Алексей. Но я вроде уже представлялся.

– У вас тут дача?

– Да. Вот она, – и указал на дом за забором. – У вас тоже? –

Она мотнула головой. – Мы жарим шашлыки, пьем вино. Не хотите присоединиться?

– Нет, спасибо.

– Вы трезвенница и вегетарианка? Тогда могу предложить чай и овощи. Есть еще шампиньоны.

– Жареное мясо я люблю. Но как-то неудобно...

– Бросьте! Мой друг Олежка хотел пригласить вас на пикник еще днем, когда мы встретились в магазине. Но не догнал вас.

– Я убежала, – хохотнула она. – Засмущалась ужасно. Перепутала вас с другим человеком...

– Не пора ли вам перейти на «ты»? – раздалось из-за забора. А через несколько секунд показалась физиономия Олежки. За щекой его был кусок мяса, но он не мешал ему разговаривать. – Девушка, красавица, присоединяйся к нам. Вкусную еду и хорошую компанию гарантируем.

– В компании есть даже козел, – проанонсировал Леша,

решив, что это остроумно. — Его зовут Иванушкой.

— А еще прекрасная девушка Аленушка.

— И пес Трамп.

— Вылитый Дональд.

— Как я могу отказаться? — расплылась в улыбке Оля.

Олежек тут же распахнул перед ней калитку. Она зашла на участок. Леша отметил, что у девушки красивая фигура. В супермаркете он отметил лишь ее лицо. А оказалось, что она еще и гармонично сложена. Тело в форме песочных часов идеально для женщины, не так ли? По мнению Леша, определено. Хотя ему нравились и «груши», и «яблоки». Была одна зазноба с фигурой мальчика-подростка. Она работала моделью. И когда эта девушка Раевскому нравилась, он немного этого стыдился. Ему казалось, тяга к ней была противоестественной, потому что, если бы не отсутствие кадыка и щетины на лице, обычный паренек (она стриглась коротко). То ли дело сочные женщины, такие, как Моника Беллуччи...

Или его новая знакомая Оля.

Та тем временем дошла до накрытого стола, познакомилась с Аленой, погладила Иванушку и села на табурет.

Ей предложили вина. Ольга кивнула, но позволила налить ей всего чуточку. И в чашку добавила воды. По мнению Леша, это было издевательством над напитком. Он знал, что в той же Франции разбавляют вино. А в Польше, куда он летал по работе, пиво мешают со спрайтом. Лучше бы совсем

не пили, думал он, чем портить уже готовый продукт. Ладно, крепким был бы. Виски, водка. Но одиннадцать и пять градусов разводить до шести и двух – это какое-то извращение...

Олежек в свойственной ему манере начал травить байки. Девушки заливались смехом, Леша подхихикивал. Некоторые истории он слышал раз по пять, но главное – подача. Друг в каждую байку добавлял что-то новое – и эмоции, и детали. Леша не исключал того, что со временем появятся факты, и лет через тридцать все будут слушать рассказ не о том, как Олежка удрал от акулы, а как победил ее ударом кулака в нос, успев до этого вырвать из клыков плавучего хищника пару ребятишек.

– Можно вопрос? – обратилась к Леше Оля, когда Олежек сделал паузу.

– Конечно.

– Дача... чья?

– Моя.

– Но кому она принадлежала ранее?

– Родителям. Они умерли в конце прошлого года. – Она кивнула, но задумчиво. – Работали в «Союзмультфильме». Получили дачу как деятели искусства.

– А ты слышал, что когда-то давно, еще до революции, тут деревенька была?

– Нет. Я вообще знать не знал об этих местах.

– Соловьи называлась. В березняке много певчих птичек

водилось. Сгорела она в 1935 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.